

Археологические Вести

№ 9

ДБ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2002

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ЮЖНОГО ТУРКМЕНИСТАНА

(По материалам Намазга-депе)

А. Я. ЩЕТЕНКО¹

Памяти Валерия Ивановича ОСИПОВА

Намазга-депе (Намазга) одно из известнейших поселений в археологии Центральной Азии. Его стратифицированные материалы, вместе с аналогичными данными из всемирно-известных холмов Анау, послужили основой для создания относительной хронологии первобытных культур Южного Туркменистана, а позднее и всей Центральной Азии.

Оно расположено на подгорной равнине Копетдага в 105 км к востоку от холмов Анау и в 117 км от Ашхабада, в 6 км северо-западнее железнодорожной станции Каахка (рис. 1). Это огромное (46 га), вытянутое с севера на юг, холмистое возвышение подтреугольной в плане формы. Основание треугольника — южные всхолмления (высота 6—8 м) — постепенно переходят в более высокие и отлогие склоны холма (высота 14—16 м), которые венчаются восьмиметровой «вышкой» — обособленным бугром (площадь 1,5 га) в северной части поселения.

По стратифицированным материалам пяти шурфов Б. А. Куфтин предложил, взамен схемы Р. Пампелли — Г. Шмидта (Pumpelly 1908), новую шкалу, в которой комплекс Анау III он разделил на три: Намазга IV, V, VI, получивших наименования культур (Куфтин 1954, 1956). В научный обиход новая периодизация введена В. М. Массоном (Массон 1956), который основное внимание уделил культурам расписной керамики, тогда как более поздние эпохи — эпоха поздней бронзы (ЭПБ) и ранний железный век (РЖВ) — не получили должного освещения.

В середине XX в. в ближневосточной археологии господствовали идеи сравнительной стратиграфии Д. Е. МакКауна: керамика трактовалась как «культура», равнозначная этносу или социальному организму (McCown 1942). Это не могло не повлиять на построения

Б. А. Куфтина и В. М. Массона при создании ими намазгинской схемы. Осознавая условность предложенной периодизации и ее несоответствие процедуре научного исследования, где основной категорией является археологическая культура, В. М. Массон объяснял временный характер данного определения следующим образом: «Рассматриваемые ахало-этекские памятники можно было бы объединить под понятием культуры Намазга VI, но подобная терминология не вполне удачна хотя бы потому, что соответствующие деления, введенные Б. А. Куфтиным (Намазга I, II, и т. д.), характеризуют в основном не археологические культуры, а стратиграфически выделенные археологические комплексы. Однако во избежание терминологического разнобоя, ...мы предпочитаем сохранение старого термина Намазга VI» (Массон 1959: 97).

В данной статье публикуются новые материалы с «вышки» Намазга, которые позволяют интерпретировать на более широкой основе (архитектура, изделия из камня и металла, способ погребения) комплексы Б. А. Куфтина как остатки археологических культур ЭПБ и РЖВ, имеющих культурно-исторические связи с земледельческими цивилизациями и степными племенами соседних регионов. «Культура НМЗ VI» трактуется как ряд последовательных этапов развития двух археологических культур, прерываемых эпохами запустения жизни на поселении. Материалы поселения Теккем-депе (Теккем), расположенного в 2 км южнее Намазга, дополняют данные «вышки». Это позволяет, в целом, прокорректировать верхнюю часть схемы Б. А. Куфтина, тем более, что уже предложены такие поправки (Kohl 1984; Щетенко 2000).

Исследование Намазга и Теккема проводилось в течение ряда лет Каахкинской экспеди-

¹ Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

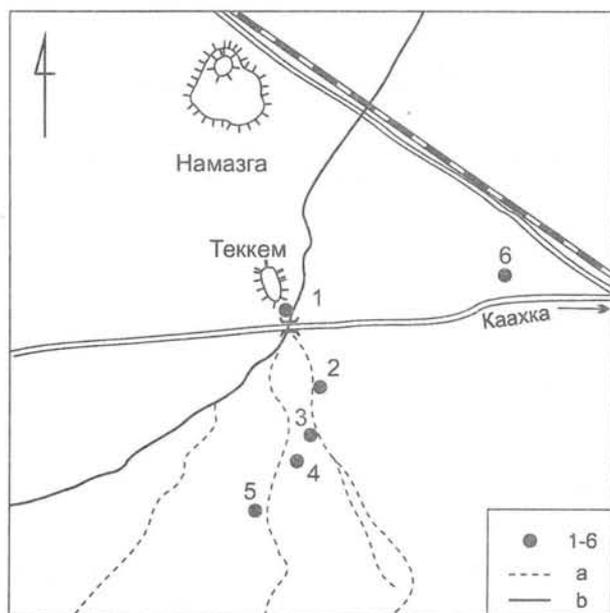

Рис. 1. Схема местонахождения Намазга-депе и Теккем-депе. Масштаб 1 : 50 000. 1—5 — поселения эпохи бронзы. Пунктирные линии — древние русла реки Лоинсу (сплошная линия — современное русло).

Fig. 1. Schematic map of Namazga-depe and Tekkem-depe geographic location. Scale 1 : 50 000. 1—6 — settlements of the Bronze Age. Dotted lines — old beds of the river Loinsu (uninterrupted line — contemporary bed).

цией ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН) и XIV отрядом ЮТАКЭ под руководством автора.²

На «вышке» Намазга работы велись на юго-западном склоне, в 30 м от раскопа И. Н. Хлопина³ и на северо-западном склоне холма в стратиграфической траншее в 20 м к северо-востоку от траншеи А. А. Марущенко (Долуханов, Този, Щетенко 1985). Привязка к

единому реперу позволила стратиграфически связать оба объекта наших работ между собой и соотнести их с раскопами предшественников (рис. 2: I).⁴

Хронологическая топография (термин Б. А. Куфтина) «вышки» представляется в следующем виде. Двухметровой высоты пологий холм, образованный культурными отложениями времени НМЗ IV и V, перекрыт мусорными слоями (1,5—2 м), на которых сооружена невысокая (1 м) платформа из сырцового кирпича, лежащая в основании многокомнатного здания, давшего комплекс вещей раннего этапа ЭПБ — Вышка I (рис. 2: II, черная заливка стен; рис. 2: IV, яруса X—VII).

Стены здания (сохранность — 0,5—2 м) выложены из сырцовых кирпичей (48 × 26 × 10 см и 50 × 25 × 10 см) и внутри покрыты глиняной обмазкой в несколько слоев, что свидетельствует о длительности обживания помещений. Об этом же говорят несколько глиняных промазок полов и дополнительно воздвигнутые внутренние стены, делившие это строение в различные периоды его существования на ряд комнат. Выявлено три строительных горизонта (1—3) в реконструкции этой части постройки, служившей, судя по находкам, хозяйственным целям.

На первом этапе на полу помещения 3 в центре стоял огромный хум,⁵ обложенный у основания кирпичами (25 × 25 × 15 см). Внутри него находился такой же формы кирпич с прорезанным знаком шестилучевой звезды (рис. 3: 2), напоминающий аналогичный символ на глиняной статуэтке из слоев НМЗ V. К северу и югу от хума стояли еще два сосуда. В помещении 4 пять сосудов стояли в левой половине (рис. 3: 7—9), а в правой — лежала глиняная крышка с прорезанным знаком

² В работах экспедиции в разные годы принимали участие археологи, географы, геофизики, зоологи, химики, а также фотографы и художники из числа сотрудников ЛОИА АН СССР и других городов и учреждений страны: Х. А. Абдулина, Е. В. Антонова (Москва), Н. К. Белая, Н. Н. Беляева (Ашхабад), Е. В. Бобровская, Т. Н. Вашкевич, Ю. А. Виноградов, Н. В. Головачева, С. Б. Гультов, Г. В. Длужневская, П. М. Долуханов, Н. И. и О. Я. Дорожинские, В. М. Завидовский, В. А. Завьялов, Г. И. и Е. К. Зайцевы, К. Курбансахатов (Ашхабад), Н. А. Лазаревская, С. А. Майстренко, С. В. Красниенко, Ан. В. Пасхин, Е. Д. Паульс, Л. Т. Пьянкова (Душанбе), Е. Я. Рогов, Л. К. Сергеева, С. Л. Соловьев, А. В. Субботин, Ал. В. Субботин (Одесса), А. И. Флотский, Л. И. Хлопина, Т. В. Чупыра, В. Г. Шкода и ныне покойные: А. Ф. Ганялин (Ашхабад), Н. М. Ермолова, Г. Ф. Загний (Киев), Г. Н. Курочкин, В. И. Осипов, П. Г. Павлов, Б. Н. Пяткин, В. П. Третьяков, А. С. Шабалина, Э. А. Юркевич (Москва). Особо следует отметить выдающийся талант археолога-полевика П. Г. Павлова, проявившийся также при раскопках Алтын-депе, Сумбарских могильников, поселений Ферганы и при самостоятельных исследованиях сибирских курганов. Им всем автор во многом обязан успешным проведением полевых работ на Намазга и Теккеме.

³ Именно работы на этом участке, в стратиграфической траншее, намеченной лично В. М. Массоном, и превращенной в раскоп в 1970—73 гг., должны были прокорректировать правильность выделения этапа НМЗ VI. Начальный этап (с 17 по 29 октября 1968 г.) раскопок был осуществлен мною практически при помощи единственного помощника — энтузиаста В. И. Осипова. За две недели мы «прошли» траншею (25 × 3 м), давшую четкую стратиграфическую последовательность от слоев с керамикой эпохи ранней бронзы (НМЗ IV) до остатков жилого помещения эпохи РЖВ. Благодаря В. И. Осипову, тщательная фиксация археологических находок велась по слоям и ярусам, сопровождаемая грамотной документацией. Эти материалы ЭПБ и легли в основу данной статьи.

⁴ В ранних публикациях (Щетенко 1999, 1999а, 2000) фигурировали наименования строительных горизонтов (Вышка I—10), объединенные в данной публикации в более крупные периоды: Вышка I—III, с привязкой не к условному «0» (холмик земляного отвала из раскопа Б. А. Куфтина 1952 г.), а к «0» на восточном углу этого раскопа. Следовательно, яруса полевых отчетов (VII—XVII), за вычетом высоты холмика (2 м), представлены иными цифрами: III—XIII (рис. 2: IV—V).

⁵ «Хум» и меньших размеров «хумча» — туркменское название двух разновидностей сосудов для хранения припасов.

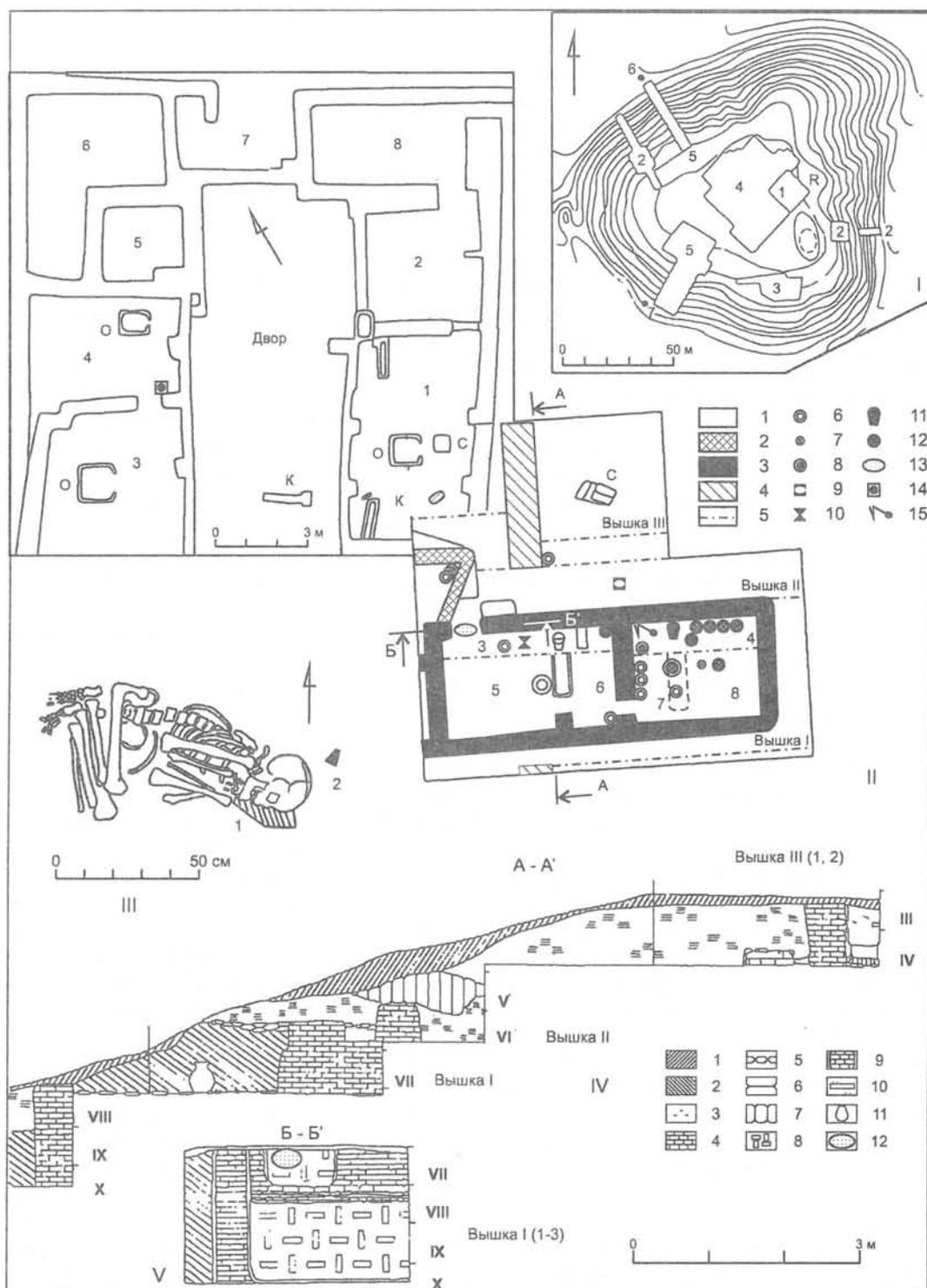

Рис. 2. I. Намазга-депе. План «Вышки». Раскопы: 1 — Б. А. Куфтина, 2 — А. А. Марущенко, 3 — А. Ф. Ганялина, 4 — И. Н. Хлопина, 5—7 — А. Я. Щетенко. II. Планы строений трех периодов «вышки». Условные обозначения: 1—3 — периоды: 1 — ранний; 2 — переходный; 3 — поздний; 4 — бровка, 5 — строительный горизонт; 6 — сосуд; 7 — крышка; 8 — гончарный диск; 9 — литейная форма; 10 — «колонка»; 11 — пест; 12 — наковальня; 13 — зернотерка; 14 — подпятие; 15 — погребение; К — «корытце»; О — очаг; С — низкий глинобитный «столлик». III. Погребение № 1. Условные обозначения: 1 — фрагмент керамики; 2 — каменный предмет. IV—V — стратиграфические разрезы юго-западной части раскопа 1968 г.: IV — разрез А—А'; V — разрез Б—Б'. Условные обозначения: 1 — натечно-надувные слои; 2 — плотная глина; 3 — мусорные слои; 4 — сырцовый кирпич; 5 — промазка пола; 6 — угольный слой; 7 — обожженные слои, уголь и зола; 8 — забутовка; 9 — глинистый намыв в мусоре; 11 — сосуд; 12 — зернотерка.

Fig. 2. I. Plan of «Vyshka» Namazga-depe. Excavations: 1 — B. A. Kuftin, 2 — A. A. Maruschenko, 3 — A. F. Ganyalin, 4 — I. N. Hlopina, 5—7 — A. Ya. Shchetenko. II. Plan of excavation area. Periods: 1 — early, 2 — transitional, 3 — late, 4 — not excavated, 5 — building level; 6 — vessel; 7 — lid; 8 — potter's wheel; 9 — mould; 10 — column; 11 — pestle; 12 — anvil; 13 — grinding stone; 14 — door's stone; 15 — burial; К — «trough», О — hearth, С — low clay «table». III. Burial № 1. Notations: 1 — ceramic fragment; 2 — stone object. IV—V. sections of the southwestern part of trench 1968: IV — А—А'; V — Б—Б'. Notations: 1 — flow-inflated layers, 2 — compact clay, 3 — rubbish layers, 4 — mud brick, 5 — level of floor, 6 — charcoal, 7 — ashes and charcoal, 8 — leveling up, 9 — plaster, 10 — flow clay layers in rubbish, 11 — vessel, 12 — grinding stone.

(рис. 3: 1). Вторая крышка, обнаруженная *in situ*, закрывала один из сосудов, а еще одна найдена на дне другого сосуда. На дне сосудов вместе с черепками лепной посуды, оказались: каменная галька-пест, камни, альчик барана, ребра и позвонки коровы, позвонки барана, каменная заготовка литейной формы.

На следующем этапе оба помещения делятся стенами на комнаты. Затем сосуды, как и все комнаты, были заложены сырцовыми кирпичами и по ним выложена стена, перекрытая рядом полов. На предпоследнем сверху полу в помещении 4 лежали: диск глиняного гончарного круга (рис. 3: 3), каменные песты (рис. 3: 4, 5) и плоская наковальня, а также четыре сосуда с глиняными крышками (рис. 2: II); в помещении 3 — короткая каменная «колонка» из розоватого песчаника (рис. 3: 6), носик-слив сероглиняного сосуда, две круглые крышки и фрагменты двух сосудов. На самом верхнем полу (третий этап) в помещении 3 был построен выступ, рядом лежала каменная наковальня — плоский цилиндр. Оба помещения перекрыты мусорными слоями.

В заброшенном помещении 4 было совершенно захоронение № 1 (рис. 2: III), вероятно, из периода Вышка II. Погребенный уложен в скорченной позе на левый бок, головой на юго-восток. Череп покоился на фрагменте керамики, у затылка лежал каменный предмет в форме конусообразного параллелепипеда с отверстием на одном конце. Похожие вещи найдены в погребениях 30 и 51 Тоголока 21 (Сарианиди 1990: табл. XXIX, 2, 4). Это предполагает, что здание функционировало после времени НМЗ V и до периода протобактрийской цивилизации.⁶

Следующий период (Вышка II) представлен помещением 2, строительная техника которого (пахсовая кладка) и ориентация стен резко контрастируют с предшествующими и с последующими строительными горизонтами (рис. 2: II — заштрихованные стены). В помещении лежали, опрокинутые вверх дном, три целых сосуда (две красноглиняных и сероглиняная миска), лепной горшок; а во дворе стоял целый сероглиняный высокогорлый кувшин с сетчатым лощением на плечиках (рис. 4: 7) и

рядом находилась каменная литейная форма для отливки булавок с крестовидным навершием и двулезвийных ножей (рис. 4: 9). Мусорные слои покрывают эти находки.

Следующий период (Вышка III), с несколькими строительными горизонтами, представлен в верхнем раскопе, где выявлена планировка двух домохозяйств, разделенных двором и состоящих из жилых (с квадратными очагами в центре) и хозяйственных помещений (рис. 2: II — стены без заливки). Их стены (высота 0,7—0,8 м), как и другие детали интерьера (контрфорсы, очаги, столики, «корытца»), сложены из сырцовых кирпичей (48—50 × 25—27 × 10—12 см) и обмазаны глиной. «Корытца» — продолговатые конструкции (1,4 × 0,4 м) — известны и на Теккеме, где в них хранилась мелкая посуда.⁷

Этот ранний строительный комплекс (1) сменяется аналогичной планировкой, представленной жилищами с прямоугольными глинобитными очагами (горизонт 2), вскрытыми в северной части «вышки» (Хлопин 1974: лист 1), а затем перекрывается стенами и полами нового строительного горизонта (3), с которого начал свои раскопки Б. А. Куфтин (1956: рис. 2—3)⁸ и исследования которого на широкой площади были продолжены в 1965—66 гг. И. Н. Хлопиным.⁹ Следовательно, самый верхний горизонт (1) представлен гончарными печами и перемешанными материалами: керамикой степного облика и расписными фрагментами типа Яз I.

Материальная культура комплексов НМЗ VI представлена керамикой, металлическими и каменными орудиями. Костяные орудия встречаются редко.¹⁰

В керамике выделено пять основных групп посуды, изготовленной на гончарном круге из хорошо отмученной глины с примесью органики в тесте. Четыре первые различаются цветом поверхности: светло-зеленая, светло-розовая, краснофоновая (включая сосуды с красным ангобом и лощением) и серая, пятая группа — кухонная (светло-серая или светло-коричневая) с примесью в тесте дресвы, со следами копти на поверхности. Два вида лепной керамики

⁶ Этот термин территориально и хронологически точнее соответствует терминологии и процедуре археологического исследования. «Бактрийско-маргианский археологический комплекс» или БМАК (Сарианиди 1974: 70) пока не имеет вертикальной стратиграфии и слишком широк в пространственном отношении: от Северо-Восточного Ирана до Северо-Западного Индостана.

⁷ Аналогичная конструкция, таких же размеров, именуемая «кормушкой», открыта в слоях ЭПБ-РЖВ на поселении Талли-и Малян в Иране (Sumner 1974: pl. 1a).

⁸ В полевом отчете указано: «на уровне пола второго жилого комплекса» (Куфтин 1956: 177).

⁹ В науку эти материалы введены как единый комплекс НМЗ VI (Хлопина 1978; Хлопина 1972: fig. 4).

¹⁰ Кости животных требуют специального исследования. Здесь же кратко сопоставим остеологические материалы (определения Н. М. Ермоловой) из слоев НМЗ VI (605 костей) и НМЗ V (127). Среди домашних животных времени НМЗ VI преобладали мелкие парнокопытные (37, 6%), овца и коза (25,5%), и крупный рогатый скот — (18%). В комплексе НМЗ V они соответственно составляли: 61,2%, 20%, 10%. Налицо увеличение поголовья крупного рогатого скота почти вдвое. Впервые, после находок на Теккеме, в стратиграфическом контексте НМЗ VI найдено 15 костей лошади (4% от общего числа). Определены также кости осли (3,6%), домашней свиньи (1%) и собаки (1%). Объектами охоты были джейран (6,1%) и муфлон (4,1%).

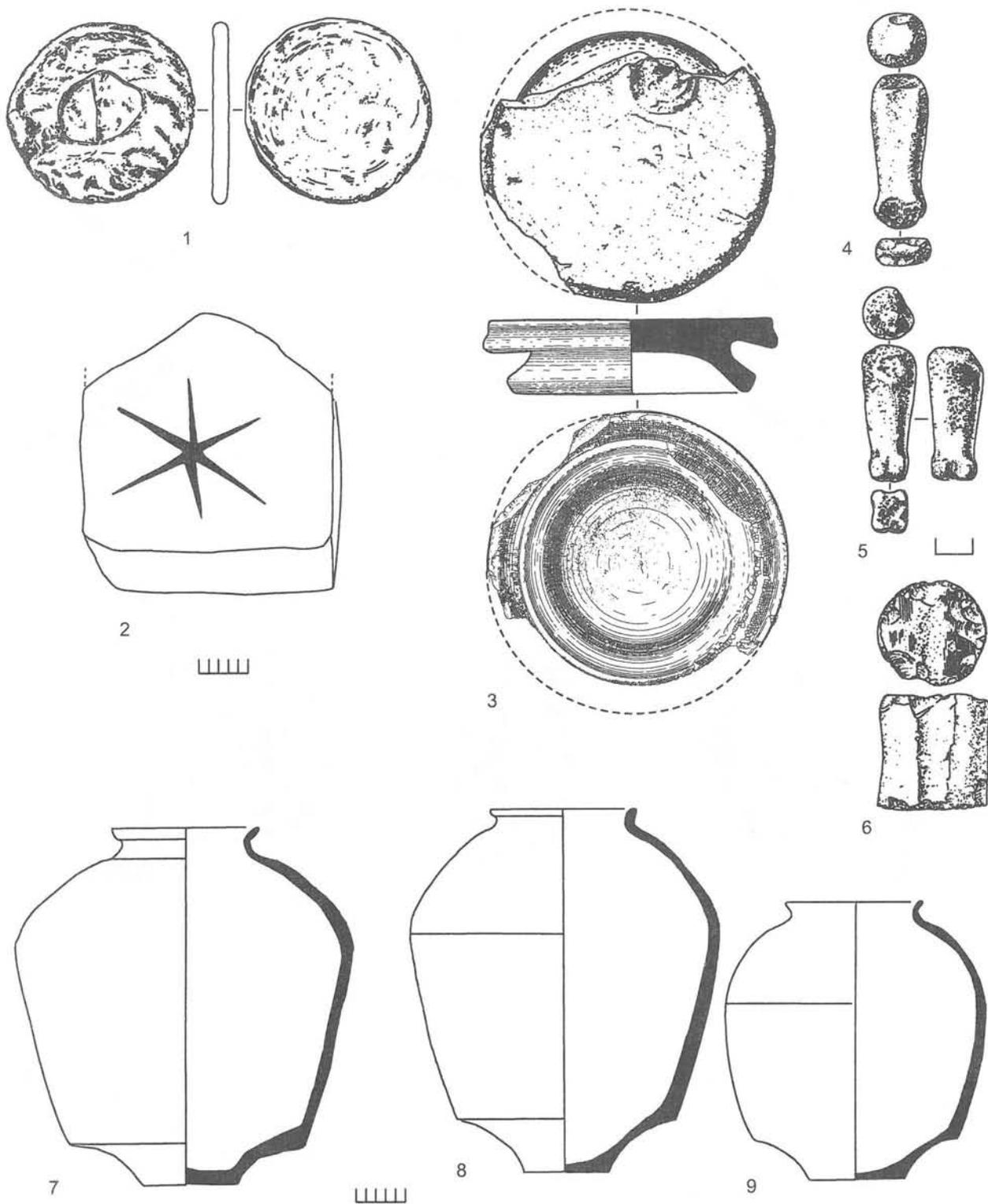

Рис. 3. Период I. 1 — крышка, 2 — кирпич, 3 — диск гончарного круга; 4, 5 — песты, 6 — колонка; 7—8 — хумы.

Fig. 3. Period I. 1 — lid, 2 — brick, 3 — potter's wheel; 4, 5 — pestles, 6 — column; 7—8 — hooms.

представлены сосудами и черепками степного типа, часто с резным орнаментом,¹¹ и орнаментированными фрагментами чаш типа Яз I.

Подсчеты показывают, что из пяти основных групп керамики в ранний период НМЗ VI (Вышка I) преобладает светлофонная посуда

¹¹ Традиционно эту керамику считали кухонной посудой (Массон 1959: 116, сноска 86; Хлопина 1972: 64, 1978: 4). Однако, специальное исследование керамики степного облика Южного Туркменистана (Кутимов 1999: 322) подтвердило первоначальную точку зрения о принадлежности ее к степным культурам (Куфтин 1954: 25, 1956: 270; Ганялин 1956: 84, 86).

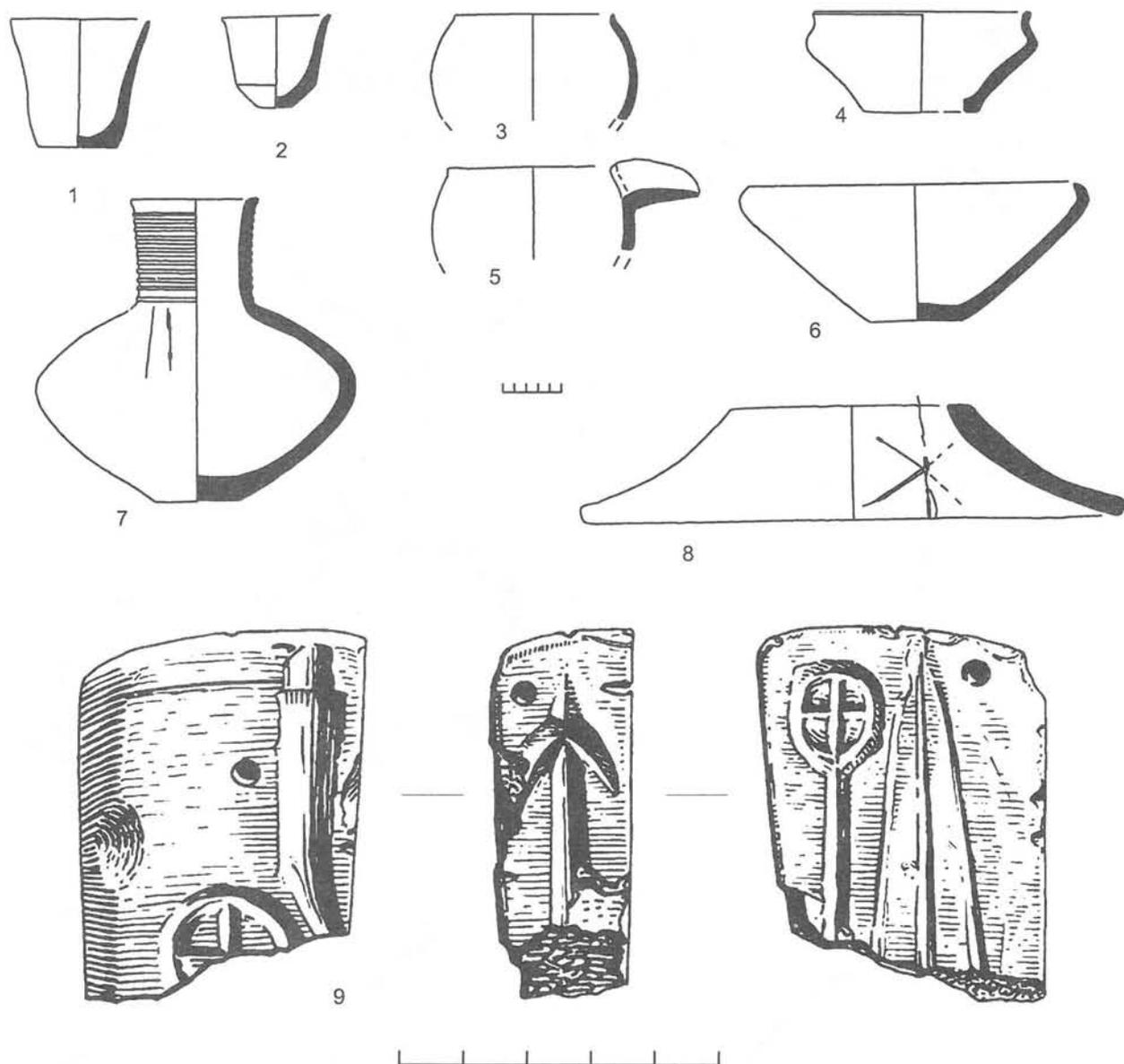

Рис. 4. Период II. 1—8 керамика; 9 — каменная литейная форма.

Fig. 4. Period II. 1—8 — pottery; 9 — stone mould.

(57,8—60,6% в разных выборках), а среди форм — хумы, хумчи, горшки, крышки, что обусловлено, вероятно, хозяйственным назначением помещений 3 и 4.

По функциональному принципу глиняная посуда делится на столовую, хозяйственную и кухонную. В кухонных горшках, кроме их функционального использования, хоронили младенцев — они раскопаны во всех периодах Теккема. Две другие группы керамики сопровождали покойного в могиле: все формы, включая и хумы средней величины, представлены в могилах. Та же картина прослеживается и в могильниках Сумбара, Маргианы, Северной и Южной Бактрии.

Пока не удастся проследить эволюцию определенных форм керамики в течение ЭПБ и переходе к РЖВ. Однако некоторые наблюдения уже фиксируются.

Ранний период (Вышка I), связанный с функционированием хранилища продуктов, представлен в основном формами тарной посуды (хум, хумча, миска, крышки). Керамика Вышки II отражает переходный период, в котором появляются такие формы как кольцевые подставки, кубки, глубокие миски с загнутым внутрь или отогнутым наружу венчиком, высокогорные кувшины (рис. 4: 1—8). Четыре последние формы представлены сероглиняными и красноангобированными изделиями, часто с вертикальным или круговым горизонтальным лощением.

Керамика верхних горизонтов (Вышка III₁₋₄) демонстрирует дальнейшее сокращение светлофоновой посуды первых двух групп (34,1%) и увеличение краснофоновой (31,2%), особенно краснолощеной, и сероглиняной (17,9%) керамики. В этих же слоях в значитель-

ном числе (16,7%) присутствует керамика степного типа и отдельные черепки типа Яз I (рис. 5: 10—12, 25, 27, 29, 31). Степная посуда выделяется резным орнаментом и налепными валиками (Хлопина 1972: рис. 1—3), отражающими, вероятно, разновременные контакты земледельцев «вышки» с соседями (Щетенко, Кутимов 1999: 121). Подтверждением этого могут служить и новации в оформлении гончарной посуды земледельцев (рис. 5: 21, 22, 24, 25). Это — прочерченный по сырой глине гребнем орнамент в виде «волн» (Массон 1959: табл. VI, 1—3, 5—7, 11) и разных символов: крест, свастика, фигурки животных, птиц.

Важную роль при определении возраста выделенных археологических комплексов имеет ряд керамических форм и некоторые виды артефактов, находящие аналогии в других культурах Центральной Азии и иных территорий, вплоть до Центральной Европы, ибо именно тогда, в финальную пору ЭПБ «в течение нескольких столетий на огромных пространствах Евразии произошли скачкообразные изменения, выразившиеся в образовании новых культур и культурно-исторических общностей» (Черных 1983: 91).

Одним из характерных типов керамики НМЗ VI является красноглиняный и сероглиняный (часто с вертикальным или круговым горизонтальным лощением) кубок с ребром и вогнутыми в верхней части сторонами (рис. 4: 2); на Теккеме эти кубки известны в десятках экземплярах, включая целые сосуды. Но эта форма совершенно не известна в комплексах всех этапов сапаллинской культуры. Один миниатюрный кубок молалинского этапа (очень редкий тип, есть только на поселениях) напоминает, по мнению А. Аскарлова, цилиндрические сосуды ахеменидского времени (Аскарлов 1977: рис. 32, тип II-2; 85—86). Два других кубка (со сглаженным ребром) найдены в могиле молалинского этапа (Аскарлов 1977: табл. LXI, 12.14). Нет кубков и среди 17 сосудов (четыре типа) могильника Янги-кала (Ганялин 1956а: 381, рис. 4), лишь три кубка найдено в могильнике Сумбар I (Хлопин 1983: 32; табл. II, 5; XXXI, 8; XLV, 4). Отсутствуют они и среди 91 сосуда (14 типов) могильника Тахтабазар в долине Мургаба (Удеумуратов 1993: 75—76, рис. 31).

С другой стороны, в Маргиане известны кубки более приземистых пропорций со сглаженным ребром: три на поселении Тахирбай 3 (шурф I, ярус II) и два сосуда из погребения того же шурфа (Массон 1959: табл. VI, 15, 17; VIII, 5; IX, 4, 6). Из 139 погребений Аучина I, Гонура I, Тоголока I, 21 и 24 лишь в двух встречены кубки часто без ребра в нижней трети сосуда. На Аучине I — два таких кубка зафиксированы в шурфе 3 (Сарианиди 1990: табл. I, 10, 11), а в шести погребениях они не

найжены. На Тоголоке 21 десять кубков (из 57 сосудов погребального инвентаря) оказались только в пяти могилах из 66 (Сарианиди 1990: табл. XCIV, 1; XCVa, 4, 6; XCVI, 8; XCVIIB, 18; XCVIIB, 1; XCIX, 12, 13, 14; C, 4). Это говорит о необходимости выделения разновременных погребений в мургабских могильниках.

В Южной Бактрии эта форма под названием «банка цилиндрикоконическая» составляет «весьма ограниченную категорию посуды» (Сарианиди 1974: 61, рис. 8, группа X, 1) и вместе с банкой цилиндрической становится популярной в местной посуде РЖВ.

В опубликованных материалах Гиссара форма кубка также не популярна. Лишь в одном погребении (X-42) Гиссара IIIВ (по классификации Е. Шмидта) вместе с узкогорлым графином с валиком у основания горла и с вертикальным полосчатым лощением найден кубок теккемовского типа (Schmidt E. 1937: 150, pl. XXXVII, H 5011; XXXVIII, H 5011). Оба сосуда сероглиняные и сделаны вручную.

К более позднему времени следует отнести сероглиняные сосуды с вертикальным лощением (миску, кувшин и кубок-стакан) из могилы с подбоем (№ 56), впущенной в верхние слои Теккема. На Намазге такой кубок (рис. 4: 1) найден в погребении 4 в траншее 1975 г., в 20 м от раскопа А. А. Марущенко, где на том же уровне в погребении найдены железные бусы (Кузьмина 1966: 99, табл. XV, 10).

Следовательно, кроющие слои Намазга относятся уже к эпохе РЖВ, а не ЭПБ, как это считалось до сих пор. Это подтверждается находкой аналогичной керамики в контексте других поселений РЖВ. Точные копии таких гончарных кубков есть в могилах переходного этапа от ЭПБ к РЖВ на Улуг-депе (Сарианиди, Качурис 1968: 344—345). В одной могиле (№ 1) Сиалка VI А (Ghirshman 1939: pl. XXXVII, S 437) также найден темно-серый кубок аналогичного профиля вместе с глубокими мисками с выкружкой у дна, триподом и бокалами на кольцевых поддонах.

Другая ведущая форма Намазга и Теккема — ваза на рифленой ножке представлена единственным экземпляром в могильнике Сумбар I (Хлопин 1983: 32). В 12 могилах (из 200) Сумбара и в четырех (из 12) в Янги-кала найдены вазы на высоком полове поддоне, неизвестные на Намазге и Теккеме. Для последних характерны формы, имеющие аналогии в материалах Маргианы и Северной Бактрии джаркутанского и молалинского этапов (Аскарлов 1977: табл. LII; LX, 2—4, 5; LXI, 5.18), а также в могильниках Южного Таджикистана (Антонова, Виноградова 1979: рис. 5; Пьянкова 1979: рис. 2).

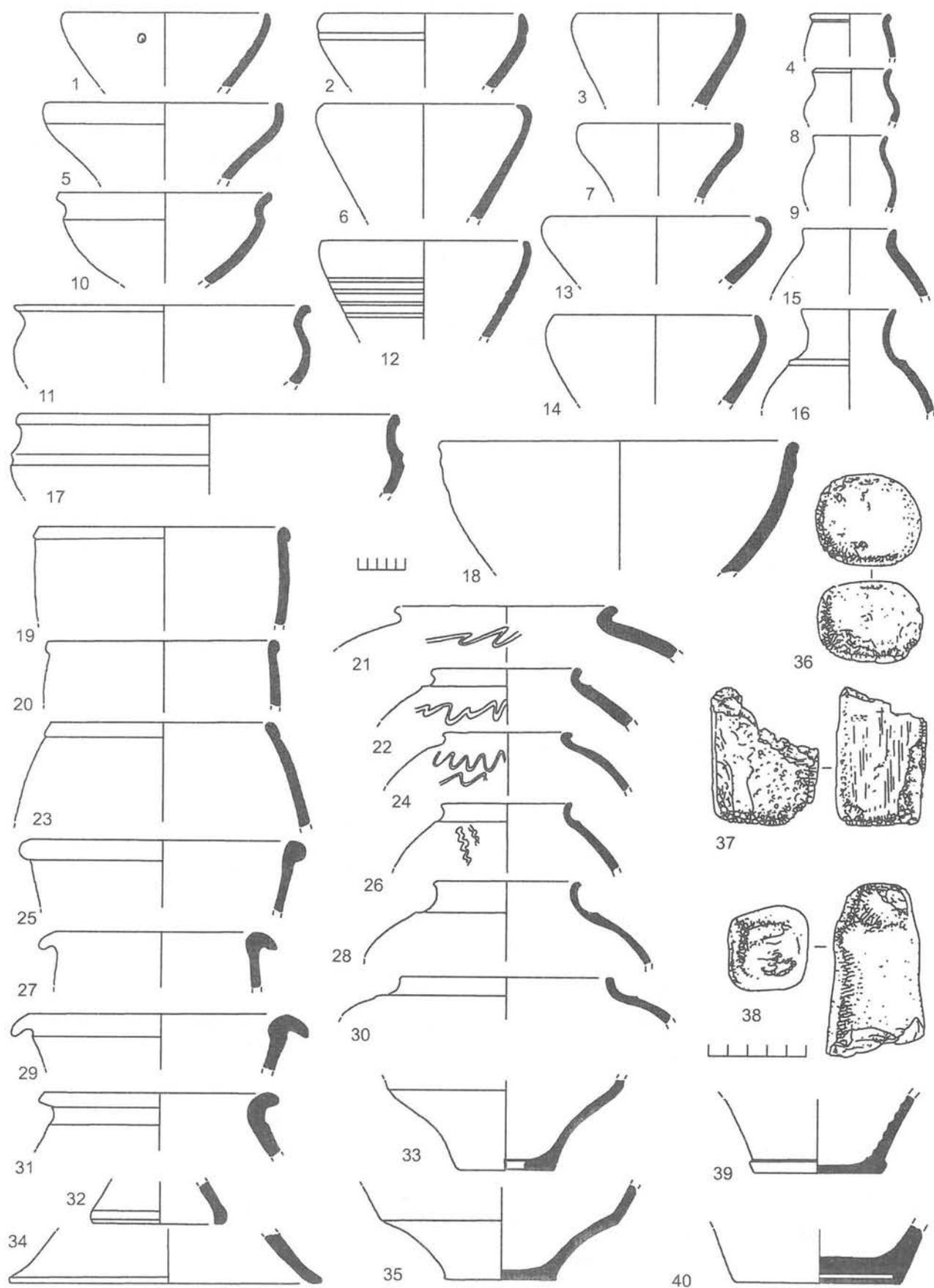

Рис. 5. Период III. 1—35, 39, 40 — керамика; 36—38 — изделия из камня.

Fig. 5. Period III. 1—35, 39, 40 — pottery; 36—38 — stone implements.

Миски с загнутым внутрь венчиком (рис. 4: 6) и миски с ребром (рис. 4: 4) не характерны для мургабских и янгикалинских могильников. Лишь одна найдена в сумбарском погребении (Хлопин 1983: табл. XXXVIII, 11). Но их разновидности (без ребра) появляются на раннем этапе сапаллинской культуры и «в комплексах керамики джаркутанского периода они составляют основную часть» (Аскарлов 1977: 82). Другие формы мисок, чаш, кувшинов, горшков, подставок (рис. 4: 3, 5, 8) Намазга и Теккема имеют аналогии в материалах сапаллинской культуры, особенно ее джаркутанского этапа (Аскарлов 1977: рис. 32).

Ряд форм (полусферические чаши с ребром, конические чаши со сливом, горшочки с открытым носиком, чайники со сложным носиком-сливом) с отличиями в деталях (наличие или отсутствие ручек) есть в Сумбарских могильниках и в материалах архаического Дахистана (Хлопин 1983: 33—34). Горшкообразные чаши¹² (без ручек) со сливом и вертикальным (иногда горизонтальным) полосчатым лощением, включая изделия из серой глины, есть и в Сапаллитепа (Аскарлов 1973: 78, табл. 17: 3, 15, 16; табл. 21: 1, 2, 12—17, 19; рис. 33: 1, 2, 4). На «вышке» и Теккеме эти формы (без ручек) представлены в красноглиняной и сероглиняной посуде (рис. 4: 3, 5, 6).

Миски для отцеживания (цедилки) характерны для позднего комплекса «вышки» (Хлопина 1971: 212—213). Они отсутствуют в погребальном инвентаре Сумбарских могильников, а в материалах Дахистана представлены отличным типом глиняных чаш с одной ручкой — «ситечками» (Массон 1956а: рис. 32, 5; рис. 45). Цедилки намазгинского типа (рис. 5: 33) известны с однослойного поселения Тегузак (Пьянкова 1988: 255, рис. 5, 3), а также в Нурекских могильниках. Тегузак керамическими аналогиями (гончарные вазы, миски, кувшины, горшки) связан с молалинским этапом сапаллинской культуры. Здесь же найдена керамика степного круга, которая позволяет датировать Тегузак в целом финальным этапом ЭПБ (Пьянкова 1988: 259).¹³ В средних слоях Теккема найдены фрагменты алакульской керамики (Щетенко 1999: рис. 3: 9—10). В верхних слоях «вышки» и Теккема также присутствует значительный процент степной керамики, которую мы связываем с алексеевско-саргаринской традицией (Щетенко, Кутимов 1999: 119).

Круглые глиняные крышки, часто с прочерченными знаками (крест, круг, и пр.) ха-

рактерны для раннего комплекса «вышки» (рис. 3: 1), а крышки с петлевидными ручками, вместе с кольцевыми подставками (рис. 5: 34), часто со знаками (крест, свастика, птица, козел) — для позднего. Две последние формы находят себе аналогии в комплексах раннего этапа Яз I долины Мургаба (Массон 1959: XXIII, 3; XXVII, 4, 8—10; XXVIII, 10, 11) и архаического Дахистана (Массон 1956а: рис. 29, 12), кольцевые подставки (рис. 4: 8) — в комплексах джаркутанского этапа сапаллинской культуры (Аскарлов, Ширинов 1991: рис. 1—2).

Уникален тип кольцевой подставки в виде «песочных часов» (рис. 5: 32). Они характерны для поздних комплексов НМЗ VI, иногда с прочерченными знаками, и имеют аналогии в Маргиане в комплексе РЖВ из третьего яруса поселения Уч-депе I (Сарианиди 1990: LXV).

В комплексе Вышка III₃ выделяется лепная керамика типа Яз-депе I долины Мургаба. Это венчики крючкообразной формы от хумов или крупных открытых мисок (рис. 5: 25, 27, 29, 31). Характерная деталь — желобки (от одного до четырех) под венчиком (рис. 5: 2, 12) отмечены в обоих регионах (Массон 1959: табл. XXIV, 1, 3, 4). Другая особенность этого комплекса — гофрировка внутренней поверхности чаш (рис. 5: 39). Этот прием известен на иранской керамике ЭПБ поселения Талли-и Малиан (Sumner 1974: fig. 8, a, b), где найдены «кормушки» — аналоги туркменским «корытцам».

Особого внимания заслуживают наlepные валики на лепной керамике. На «вышке» отмечен лишь один гладкий валик у основания шейки кувшина (рис. 5: 16), а в материалах верхних слоев Теккема найдено только семь таких валиков, часть из них с насечками (Щетенко, Кутимов 1999: 119; рис. 5, рис. 6, 9). Налepные валики характерны и для комплекса Яз I (Массон 1959: табл. XX, 28; XXI, 5; XXIII, 5; XXIV, 2; XXVII, 7; XXVIII 2, 6; XXIX, 5).

Чаще на «вышке» встречаются рельефные валики (иногда два), моделируемые в процессе изготовления сосуда на круге (рис. 5: 17, 22, 26, 28, 30). Аналогии им имеются в упомянутом комплексе Талли-и Малиана: валики единичные (Sumner 1974: fig. 8, c, e, f.) и двойные (Sumner 1974: fig. 8, g, h).

Налepные валики являются одним из признаков керамики финального этапа ЭПБ.

¹² В названии форм керамики я следую за авторами публикаций, чтобы не создавать путаницы.

¹³ Особого внимания заслуживают два крупных сероглиняных горшка с четким уступом при переходе горла в тулово (Пьянкова 1988: рис. 6: 1, 2). Автор консультировалась с авторитетом в этой области — Е. Е. Кузьминой, по мнению которой, технологические особенности крепления дна первого горшка свидетельствуют об алакульской традиции (Пьянкова 1988: 258). Аналогичный технологический прием зафиксирован у горшка с «вышки» Намазга-депе (Хлопина 1972: 63) и у двойного донца (рис. 5: 40).

«В первой половине XII в. до н. э. произошло перерастание федоровских комплексов и ряда андронидных культур в культуры валиковой керамики» (Зданович 1988: 148). В то же время изучение металла культур валиковой керамики в глобальном масштабе также указывает на сложение общности культур валиковой керамики на востоке в ряде комплексов саргаринской культуры «в весьма короткий отрезок времени — преимущественно в XIII/XII вв. до н. э.» (Черных 1983: 95). На Теккеме такие валики (и еще шесть орнаментальных мотивов) находят аналогии в глиняной посуде поселений Канай и Усть-Нарым (Щетенко 1999а: 328). Эти материалы, по современным представлениям, хорошо соотносятся «с поселенческими керамическими комплексами федоровской культуры Зауралья, Северного и Центрально-го Казахстана» (Зданович 1988: 146).

Металлические вещи не известны в ранних комплексах. В переходный период (Вышка II) вместе с сероглиняным кувшином и тремя чашами найден фрагмент каменной литейной формы. В ней отливались пять предметов: 1) двулезвийный наконечник; 2) две булавки (короткая и длинная) с крестовидными кольцевыми навершиями; 3) булавка с серповидным навершием; 4) маленький нож с загнутым лезвием и коротким черенком.

Каменные формы из ямы кузнеца Теккема (Щетенко 1999: рис. 2, 1, 5—8), вместе с уже упомянутой матрицей, дают представление о других типах вещей этого периода.¹⁴ Это — двулезвийный нож с nervurom посередине листовидного лезвия с черенком (круглого сечения) и кольцевым упором. Одновременно отливалось два ножа: длина одного — 9 см, второго — 8,2 см. Максимальная ширина клинков у ножей приходится на середину изделия. Из позднего комплекса (Вышка III₃) происходит нож (реконструируемая длина 8,2 см), вероятно, отлитый в одной из таких форм (Кузьмина 1966: табл. VI, 14).

Похожие предметы есть и в погребениях могильника Пархай I, где они названы дротиком и стрелой (Хлопин 1983: табл. LXI, 5, 11). От намазгинского ножа их отличают более вытянутые пропорции и крупные размеры (12 и 15 см), а максимальное расширение треугольной формы лезвия находится ближе к кольцевому упору.

Ножи с кольцевым упором широко представлены в культурах ЭПБ от Трансильвании на западе до Средней Азии на востоке (Дергачев 1975: 54—56; Щетенко 1999а: 329—330). Считают, что расположение максимального расширения клинка у ножей с кольцевым упором является хронологическим признаком: наиболее ранние имеют такое расширение ближе к упору, поздние — в середине лезвия, но оба типа характерны для финального этапа ЭПБ (Дергачев 1975: 55). По этому критерию дротики из могильника Пархай будут чуть моложе ножей «вышки» и Теккема, если последние действительно ножи.¹⁵

Второй тип изделий — булавки с крестовидным кольцевым навершием известен в могильниках Сумбара и Янги-кала. Он представлен двумя вариантами: длинным стержнем с гладким навершием и короткой булавкой с навершием с пятью выступами. Первый вариант известен только по литейной форме с «вышки», второй — по двум булавкам в погребении Янги-кала (Ганялин 1956: 379, рис. 3). Две булавки первого варианта найдены в могиле Сумбара II (Хлопин 1983, табл. L, 10, 11), а две булавки второго варианта в погребении Пархай I (Хлопин 1983: табл. LIII, 3, 4).

Точная копия первому варианту булавок происходит из клада ЭПБ в Восточной Румынии. В нем найдено четыре каменные литейные формы для отливки двулезвийных ножей, плоских топоров, пуговиц с петелькой, булавок с крестовидным навершием (Petrescu-Dîmbovița: 1977: 60, fig. 49, 1—5). Весь набор изделий, за исключением топора, соответствует предметам, изготовляемым в это же время на поселениях Теккема и Намазга.

Если же рассматривать оба варианта булавок Южной Туркмении как разновидности всего класса булавок с кольцевым навершием, то к нашим аналогиям можно добавить и булавки аналогичной формы (с круглым дополнительным ушком на верхней части навершия) культуры курганных погребений Центральной Европы, датируемой XIV—XIII вв. до н. э. (Монгайт 1974: 60, рис. 13).

Третий тип изделий — пуговицы круглой формы с литой петелькой на внутренней слегка вогнутой стороне отливались в каменной матрице вместе с ножом с кольцевым уступом. По рядам круглых пятен нагара на литейных каменных крышках видно, что пуговицы и

¹⁴ Местное производство этих изделий подтверждается наличием на Теккеме медеплавильных горнов, а также находками возле них глиняных тиглей, сопел, выплесков металла и шлаков (Щетенко 1999а: 275, рис. 1.4).

¹⁵ Ножами эти изделия признали специалисты культур степной бронзы: В. С. Бочкарев (в личной беседе) и Е. Н. Черных (1983: 87). Если же это дротики, то их прототипы следует искать в комплексах соседнего Ирана, и вопрос о хронологии также потребует корректировки. В Гияне II в могиле 77 найдено 12 наконечников крупных (12—13,5 см) стрел или дротиков, среди которых представлены и образцы с упором у черенка (Contentau, Ghirshman 1935: 30; pl. 24, 11).

круглые бляшки изготавливались целыми сериями: от трех и более — пуговицы (форма обломана) и до пяти и более — бляшки. Целая бронзовая пуговица (диаметр 2,2 см) вместе с формой для ее отливки найдена с керамикой и каменными орудиями в яме литейщика Теккема (рис. 4: 3). До этого такие пуговицы в стратиграфических комплексах юга Средней Азии были известны лишь на поселении Яздепе в комплексе Яз-1 (Массон 1959: табл. XXXIII, 2) и в культуре Анау III (Schmidt H. 1908: fig. 259). Серебряная пуговица этого типа найдена на северном холме Гиссара (Schmidt E. 1937: pl. LV, Н 2631). Бронзовый экземпляр вместе с булавкой с серповидным навершием происходит из слоев Шах-Тепе II (Arne 1945: 64).

Из бронзовых пуговиц конской упряжи некрополя «Б» Сиалка только одна, но более крупных размеров (4,5 см) из могилы 15 типологически близка теккемовским образцам (Ghirshman 1939: pl. LVI, № 819 а). В Гияне I в погребении 3 вместе с железным кинжалом, бронзовыми удилами, трехдырчатыми псалиями и наконечником дротика с упором у черенка оказалось 26 пуговиц. Пуговицы среднего размера, как и одна из трех пуговиц из могилы 52 (Contentau, Ghirshman 1935: pl. V, 6; pl. 18), типологически сопоставимы с находками Теккема. С другой стороны, бляшки-пуговицы с петелькой встречены только в федоровских памятниках, и одна каменная литейная форма для их отливки найдена на поселении Явленка I (Аванесова 1991: 65, рис. 55, 12).

Уникальным является предмет, напоминающий вотивные топорики из могил джаркутанского этапа сапалли (Ионесов 1990: 9, рис. 1). Похожие миниатюрные бронзовые изделия погребального культа найдены в могилах пилинской культуры (наследнице курганной культуры) финальной бронзы Восточной Венгрии (Монгайт 1974: 87).

Поздний комплекс НМЗ VI представлен на «вышке» двумя однолезвийными (один с выделенной рукоятью) и одним двулезвийным ножами, фрагментом ножа, браслетом в полтора витка и куском пластины, а также коротким шилом и фрагментом каменной литейной формы, вероятно, для отливки двулезвийных ножей с упором у черенка (Хлопина 1978: 13). Однолезвийные ножи имеют аналогии в комплексах Яз I Маргианы (Массон 1959: табл. XXXIII, 11; 2 — пуговица с литой петелькой) и в материалах Ферганы (Спришевский 1954: рис. 3; Заднепровский 1962: табл. XXII, 1). Интересно, что в Чусте эти ножи найдены вместе с фрагментами каменных «колонок», а в Дальверзине первые поселенцы использовали квадратные очаги (Заднепровский 1962: табл. VIII, 3), характерные для

поздних комплексов Намазга (Вышка III) и Теккема. Последнее исследование металлических изделий земледельцев Ферганы, действительно, предполагает выделение двух этапов в существовании их культуры, помещая комплексы Дальверзина раньше чувских (Рузанов 1999: 48).

Среди каменных изделий — пестов, наверший булавы, ткацких грузил (Щетенко 1999а: 331—333, рис. 5) особо следует выделить каменные «колонки». Целый экземпляр «классической» формы, десятками представленной в памятниках Мургаба (Сарианиди 1990: табл. LXXXIX), найден *in situ* на одном из ранних полов Теккема вместе с сероглиняной и красноглиняной керамикой, заготовкой булавы (из того же сорта мраморовидного камня, что и «колонка») и с бронзовым наконечником дротика. Другая «колонка», вполнину меньших размеров, находилась на одном из верхних полов помещения 3 «вышки» (рис. 3: 6). В верхних же слоях найдены и все шесть пестов, в том числе и экземпляры с выступами-шишечками (рис. 5: 36—38). На Теккеме единственный (из 27) пест-скипетр с округлой головкой с четырьмя выступами найден вместе со сложным носиком краснолощеного чайника и сероглиняной керамикой на полу хозяйственной постройки позднего периода.

Отсутствие погребений в кроющих слоях обоих памятников (на «вышке» вскрыто около 0,2 га, на Теккеме — 0,5 га) свидетельствует о том, что на поздних этапах существования поселений уже существовали могильники, вынесенные за границы поселений. Лишь детей хоронили традиционно под полами (порогами) жилищ, часто в сосудах. Ранний могильник Теккема демонстрирует захоронения в заброшенных помещениях (Щетенко, Павлов 1992). Погребенные укладывались в скорченной позе на левый или правый бок, головой в основном на северо-запад. Два-три сосуда и бронзовые заколки найдены в могилах. Переходный период на Теккеме дал погребение (№ 56) в подбое — обряд хорошо известный в Сумбарских могильниках и на всех этапах культуры Сапалли.

Итак, культурные напластования «вышки» Намазга скрывают остатки, по крайней мере, трех археологических комплексов, демонстрирующих значительные отличия в материальной культуре. Если переходный этап (Вышка II) дал лишь остатки стен, то ранний комплекс (Вышка I₁₋₃) и поздний (Вышка III₁₋₄) характеризуются принципиально разными планировочными и архитектурными схемами. Первый представлен частью многокомнатного здания (на невысокой платформе) регулярной планировки, трижды повторенной при перестройках. Второй де-

монстрирует схему, состоящую из отдельных домохозяйств (жилое помещение с хозяйственными пристройками), разделенных коммуникационными линиями — улицами, переулками и тупиками. Материальная культура этих комплексов также демонстрирует определенные отличия: в преобладании того или иного типа керамики, форм сосудов, изделий из камня и металла. С периода Вышка II начинаются контакты с алакульско-федоровскими племенами степной бронзы. На заключительных этапах существования поселения (Вышка III) усиливаются контакты с носителями культур саргарино-алексеевской круга.

Важным является и выявление временных разрывов в культурных наслоениях обоих памятников, что еще раз ставит вопрос о появлении нового населения в ЭПБ в подгорной равнине Копетдага. Первый разрыв фиксируется после комплекса НМЗ V, второй — после прекращения существования многокомнатного здания (Вышка I), и, возможно, третий — после оставления помещения 2 (Вышка II).

В новых археологических комплексах отсутствуют основные категории артефактов (перегородчатые печати, женские статуэтки, формы посуды, набор металлических и каменных орудий), связанные с повседневной жизнью и идеологией, столь характерные для НМЗ V. Меняется и архитектура: монументальная постройка на платформе (Вышка I) и крепость за стеной с башнями (ранний Теккем) никак не напоминают планировку верхних горизонтов Алтын-депе (Массон 1981: рис. 12, 13, 15).¹⁶ Последние похожи на домохозяйства «вышки» Намазга и верхнего горизонта Теккема. Им ближе по типу и строительным при-

емам архитектура многокомнатных массивов и крепостей ЭПБ Маргианы (Сарианиди 1997: рис. 2, 8, 12, 13).

Вопрос о появлении нового населения в Южном Туркменистане уже обсуждался. На основе анализа погребальных комплексов В. А. Алекшин предположил приход с востока носителей культуры сапалли, практиковавших захоронения в катакомбах, при сохранении местным населением своих традиций в материальной культуре (Алекшин 1980: 30). В. И. Сарианиди отстаивал восточноиранские истоки (Сарианиди 1974: 69). В последних своих работах он остановился на сиро-анатолийском центре и даже проложил предполагаемый маршрут через Элам, Гилян, Хорасан, Восточный Иран (Сарианиди 1999: 73). Откуда бы не пришли носители новой археологической культуры, ясно одно: это было новое население, не связанное с местной намазгинской культурой эпохи развитой бронзы.

В целом, период НМЗ VI, если следовать прежней терминологии, это не только ЭПБ, но и РЖВ. Он занимает значительно больший отрезок времени, чем это представлялось ранее: не менее 800—1000 лет (учитывая и перерывы), как свидетельствует серия радиоуглеродных определений (Долуханов, Този, Щетенко 1985: 122) и восемь строительных периодов восьми-метровой «вышки» Намазга. На Теккеме они составляют 11 м. Все это определенно удревняет ранние комплексы НМЗ VI и сближает, таким образом, хронологические схемы российских и западных исследователей.¹⁷ Абсолютные даты выделенных археологических комплексов требуют специального исследования.

Аванесова, Н. А. 1991. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. Ташкент.

Алекшин, В. А. 1980. К проблеме генетической связи южнотуркменских комплексов эпохи бронзы (по материалам захоронений) // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 161: 24—31. Москва: Наука.

Антонова, Е. В., Н. Вишгорова. 1979. О летних и осенних разведках в Регарском районе в 1974 г. // Археологические работы в Таджикистане XIV: 93—109. Душанбе: Дониш

Аскарлов, А. 1973. Сапаллитера. Ташкент: Фан.
1977. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы Юга Узбекистана. Ташкент: Фан.

Аскарлов, А. А., Т. Ширшов. 1991. О некоторых группах культовой керамики Джаркутана // История материальной культуры Узбекистана 25: 33—56. Ташкент: Фан.

Березкин, Ю. Е. 1994. Город «мастеров» на древневосточной периферии. Планировка поселения и социальная структура Алтын-депе в III тыс. до н. э. // Вестник древней истории 3: 14—37.

1997. Америка и Ближний Восток: Формы социополитической организации в догосударственную эпоху // Вестник древней истории 1: 3—24.

Ганяли, А. Ф. 1956. Погребения эпохи бронзы у селения Янги-кала // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции VII: 374—384. Ашхабад: Академия наук ТССР.

Дергачев, В. А. 1975. Бронзовые предметы XIII—VIII вв. до н. э. из Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев: Штиинца.

Долуханов, П. М., М. Този, А. Я. Щетенко. 1985. Серия радиоуглеродных датировок из наслоений эпохи бронзы на Намазга-депе // Советская археология 4: 118—123.

¹⁶ Современный взгляд на архитектурные принципы застройки Алтын-депе и интерпретацию его социальной структуры рассмотрен в ряде работ Ю. Е. Березкина (Березкин 1994, 1997).

¹⁷ Причину столь существенных расхождений в датировках культур эпохи бронзы в одной из своих последних работ прояснил В. М. Массон: «Возможно, эти традиционные датировки оседлых культур юга (строкой выше автор именуется их «урбанизированные культуры юга Средней Азии.» — А. Ш.) придется несколько углубить, возвращаясь к длинной хронологии Д. Макауна, которой автор предпочел в свое время схему, выдвигавшуюся Г. Чайлдом» (Массон 1999: 270).

- Заонепровский, Ю. А. 1962. Древнеземледельческая культура Ферганы // *Материалы и исследования по археологии СССР* 118. Москва-Ленинград: Академия наук СССР.
- Зданович, Г. Б. 1988. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск: Уральский университет.
- Ионесов, В. И. 1990. Некоторые данные о могильнике Джаркутан-4В // *История материальной культуры Узбекистана* 24: 8—18. Ташкент: Фан.
- Кузьмина, Е. Е. 1966. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. Археология СССР. Свод археологических источников В 4—9. Москва: Наука.
- Кутимов, Ю. Г. 1999. Культурная атрибуция керамики стеного облика эпохи поздней бронзы южных районов Средней Азии (Туркменистана) // *STRATUM Plus 2. От Балкан до Гималаев: Время цивилизаций*: 314—322. Санкт-Петербург, Кишинев, Одесса: Высшая антропологическая школа.
- Куфтина, Б. А. 1954. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению «культуры Анау» // *Известия Академии наук ТССР* 1: 22—29. Ашхабад: Академия наук Туркменской ССР.
1956. Полевой отчет о работах XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культур первобытнообщинных оседлоземледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. // *Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции VII*: 260—290. Ашхабад: Академия наук Туркменской ССР.
- Массон, В. М. 1956. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина // *Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции VII*: Ашхабад: 291—373. Ашхабад: Академия наук ТССР.
- 1956а. Памятники культуры архаического Дахистана в Юго-Западной Туркмении // *Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции VII*: 385—457. Ашхабад: Академия наук Туркменской ССР.
1959. Древнеземледельческая культура Маргианы // *Материалы и исследования по археологии СССР* 73. Москва-Ленинград: Академия наук СССР.
1981. Алтын-депе // *Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции XVIII*. Ашхабад: Академия наук Туркменской ССР.
1999. Древние цивилизации Востока и степные племена в свете данных археологии // *STRATUM Plus 2. От Балкан до Гималаев: Время цивилизаций*: 265—285. Санкт-Петербург, Кишинев, Одесса: Высшая антропологическая школа.
- Монгайт, А. Л. 1974. Археология Западной Европы. Москва: Наука.
- Пьяикова, Л. Т. 1988. Раскопки на поселении Тегузак в 1981 г. // *Археологические работы в Таджикистане XXI*: 247—263. Душанбе: Дониш.
- Рузганов, В. Д. 1999. Новые данные о датировке Дальверзина и Чуста // *Новое о древнем и средневековом Кыргызстане*. 2: 46—48. Бишкек: Мурас.
- Сариати, В. И. 1974. Бактрия в эпоху бронзы // *Советская археология* 4: 49—71.
1990. Древности страны Маргуш, Ашхабад: Ылым.
1997. Теменос Гонура // *Вестник древней истории* 1: 148—168.
1999. Сиро-хеттское происхождение бактрийско-маргианской глиптики // *Вестник древней истории* 1: 53—73.
- Сариати, В. И., К. Качурис. 1968. Раскопки на Улудеде // *Археологические открытия 1967 года*: 342—345. Москва: Наука.
- Спришевский, В. И. 1954. Чустская стоянка эпохи бронзы (раскопки 1953 г.) // *Советская этнография* 3: 69—76.
- Удемурадов, Б. Н. 1993. Алтын-депе и Маргиана: связь, хронология, происхождение. Ашгабат: Ылым.
- Хлопин, И. Н. 1974. Полевой отчет о работе Сумбарской группы XIV отряда ЮТАКЭ // *Рукописный архив ИИМК РАН*. Ф. № 35, Оп. № 1, 1974, № дела 137.
1983. Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. Ленинград: Наука.
- Хлопина, Л. И. 1971. Новый тип посуды эпохи бронзы (Южная Туркмения) // *Советская археология* 4: 212—213.
1972. Кухонная керамика времени Намазга VI // *Краткие сообщения Института археологии АН СССР* 132: 59—64.
1978. Намазга-депе в эпоху поздней бронзы Южной Туркмении. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ленинград.
- Черных, Е. Н. 1983. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // *Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья*: 81—99. Челябинск: Башкирский университет.
- Щетенко, А. Я. 1999. Литейные формы эпохи поздней бронзы с поселения Теккем-депе (Южный Туркменистан) // *Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б. Н. Гракова)*: 271—278. Запорожье: Запорожский госуниверситет.
- 1999а. О контактах культур степной бронзы с земледельцами Южного Туркменистана в эпоху поздней бронзы (по материалам поселений Теккем-депе и Намазга-депе) // *STRATUM Plus 2. От Балкан до Гималаев: Время цивилизаций*: 323—335. Санкт-Петербург, Кишинев, Одесса: Высшая антропологическая школа.
2000. К проблеме периодизации культуры Намазга VI // *Взаимодействие культур и цивилизаций. В честь юбилея В. М. Массона. Российско-Туркменистанские культурные связи и взаимодействия*. Вып. I: 127—141. Санкт-Петербург: ИИМК РАН.
- Щетенко, А. Я., П. Г. Павлов. 1992. Ранний могильник Теккем-депе // *Северная Евразия от Древности до Средневековья. Археологические изыскания* 2: 62—64. Санкт-Петербург.
- Щетенко, А. Я., Ю. Г. Кутимов. 1999. Керамика стеного облика поселения эпохи поздней бронзы Теккем-депе (Южный Туркменистан) // *Археологические Вести* 6: 114—123. Санкт-Петербург: ИИМК РАН.
- Arne, T. J. 1945. Excavations at Shah Tepe, Iran. Stockholm.
- Contentau, G., R. Ghirshman. 1935. Fouilles du Tepe-Giyan près de Nehavend 1931 et 1932. Musée du Louvre — Département des antiquités orientales. Série archéologique. Tom III. Paris: Librairie orientaliste Paul Geuthner.
- Ghirshman, R. 1939. Fouilles de Sialk près de Kashan 1933, 1934, 1937. Vol. II. Musée du Louvre — Département des antiquités orientales. Série archéologique. Tom V. Paris: Librairie orientaliste Paul Geuthner.
- Hlopina, L. I. 1972. Southern Turkmenia in the Late Bronze Age // *East and West* 22 (3—4): 199—214 Rome: IsMEO.
- Kolh, Ph.L. 1984. Central Asia Palaeolithic Beginnings to the Iron Age. Paris: Edition Recherches sur les Civilisations.
- McCown, D. E. 1942. Comparative Stratigraphy of Early Iran. Studies in Ancient Oriental Civilization 23. Chicago: Oriental Institute of University of Chicago.
- Petrescu-Dimbovița, M. 1977. Depozitele de Bronzuri din România. Bucureti.
- Pumpelly, R. (ed.). 1908. Explorations in Turkestan. Expedition of 1904. Prehistoric civilizations of Anau. Origins, growth and influence of environment. I, II. Washington: Carnegie Institution of Washington.
- Schmidt, E. F. 1937. Excavations at Tepe-Hissar, Damgan. Philadelphia.
- Schmidt, H. 1908. Archaeological Excavations in Anau and Old Merv // Pumpelly, R. (ed.). Explorations in Turkestan I: 81—186. Washington: Carnegie Institution of Washington.
- Summer, W. 1974. Excavations at Tall-i Malyān, 1971—71 // *Iran* XII: 155—180.

ARCHAEOLOGICAL COMPLEXES OF THE LATE BRONZE AGE OF SOUTH TURKMENISTAN

(Based on materials of Namazga-depe)

A. YA. SHCHETENKO

A stratigraphical methods of R. Pumpelly and H. Schmidt (Pumpelly 1908) and idea of D. E. McCown's comparative archaeology (McCown 1942) were put down in the basis of an archaeological periodization of cultures South Turkmenistan, and later and all Central Asia, developed by B. A. Kuftin (Куфтин 1954, 1956) and entered in a science by V. M. Masson (Массон 1956, 1959).

Based on materials from five test excavations of the settlement Namazga-depe (Namazga) B. A. Kuftin has offered, instead of the scheme R. Pumpelly—H. Schmidt, new scale in which complex of Anau III he has divided into three: Namazga (NMZ) IV, V, VI, received name of cultures.

Namazga is situated 105 km to the east of hills Anau and 117 km of Ashkhabad and 6 km to the south-west of the Central-Asian Railroad station of Kaakhka (fig. 1).

This huge (46 ha) prolated with north on the south hill in the plan of the form of sub-triangle slightly (рис. 2: II). In northern part there is a high hill (8 м) — «vyshka» (watch-tower), where there are the layers of Late Bronze Age (LBA) — culture NMZ VI, dated the 2 half of the 2 thousand BC, were revealed (fig. 2: IV—V).

In the given article the new materials with «vyshka» are published which allow to interpret on the more broad basis (architecture, item from a stone and metal, burials) B. A. Kuftin's complexes as the archaeological rests of cultures the LBA and Early Iron Age, have cultural — historical connection with agricultural civilisations and steppe tribes of adjacent regions. «The Culture NMZ VI» is treated as series phases of development two archaeological cultures pre-emptive epoch of desolation of life on a settlement (fig. 2: IV-V). The materials of the settlement the LBA Tekkem-depe (Tekkem) located 2 km to the south of Namazga (fig. 1), supplement the data «vyshka». It allows, as a whole, to correct the

top part of B. A. Kuftin's scheme, as such amendments are already offered (Kohl 1984; Щетенко 2000).

So the cultural layers of «vyshka» hide the rests on an extreme measure three archaeological complexes, demonstrating significant difference in material culture. If the transient period Vyshka II (fig. 2: II — hatched walls) has given only remains of walls, an early complex Vyshka I₁₋₃ (fig. 2: II — black walls) and late complex Vyshka III₁₋₄ (fig. 2: II — white walls) are characterised in essence different layout and architectural schemes. First period is shown by a part of the multiroom building (on a low platform) regular layout three times repeated at reorganisations. Second period demonstrates the scheme consisting from separate households (a separate living rooms with economic additions) divided by communication lines — streets, lanes and docks.

The material culture these complexes also demonstrates certain differences: in a dominance of that or other type of ceramics, forms of vessels, items from a stone and metal (fig. 3, 4, 5). The contacts with cattle-breeders' tribes of steppe bronze of Alakul-Fedorovo type begin with period Vyshka II changed on final phases of existence of a settlement the stay or often visits of the tribes of Sargarino-Alekseevskaya of circle.

As a whole, the period NMZ VI takes the much greater interval of time than it was represented earlier: not less than 700 years, as a series of radiocarbon definitions (Долуханов, Този, Щетенко 1985: 122) and eight building periods eight-meter «vyshka» Namazga testifies. On Tekkem these layers reach 11 m. Important the detection of time gaps in cultural stratification of both monuments is also. All this definitely make more old the early complexes NMZ VI also pulls together thus chronological schemes of Russian and Western archaeologists. The absolute dates for chosen archaeological complexes demand special research.

Археологические Вести

№ 6

ДБ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

1999

КЕРАМИКА СТЕПНОГО ОБЛИКА ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ТЕККЕМ-ДЕПЕ (ЮЖНЫЙ ТУРКМЕНИСТАН)

А. Я. ЩЕТЕНКО, Ю. Г. КУТИМОВ*

Работы американской экспедиции в 1904 г. на холмах Анау впервые выявили на юге Туркмении существование многовековой оседло-земледельческой традиции, заключительные этапы которой на южном холме характеризовались появлением нового керамического комплекса Анау IVA, предположительно увязываемого с пришлым варварским населением и относимого к так называемой «эпохе варварской оккупации» (Schmidt 1908: 49, 149).

Б. А. Куфтин, обнаруживший такого же типа керамику в нижних слоях Елькендепе и в кроющем слое Овадан-депе, называл ее керамикой «эпохи возрожденных оседло-земледельческих традиций конца бронзы» (Куфтин 1956: 360, 363). По его мнению прекращение жизни на «вышке» Намазга-депе и Теккем-депе «совпадает с появлением в самых поверхностных слоях холмов примитивной, грубой ручной лепки «кочевнической» керамики из сильно древесной глины с простым рубчатым орнаментом по венчику» (Куфтин 1954: 25; 1956: 270).

Эти материалы послужили основой для гипотезы о продвижении во 2-ой половине II тыс. до н.э. степных скотоводческих племен к земледельческим оазисам Южного Туркменистана. Атрибуция «кочевнической» керамики была различной: ее связывали с андроновской (Ганялин 1956: 84; Латынин 1958: 46, 48) и тазабагьябской (Итина 1959: 53) культурами, рассматривая последнюю как вариант первой либо как самостоятельное явление. Применялись и смешанные термины: тазабагьябо-андроновская (Массон 1959: 116-117) или срубно-андроновская (Марущенко 1956: 9; Кузьмина 1964: 154). В последние годы керамика степного облика, обнаруженная на территории Южной Туркмении, ассоциировалась с керамикой срубной культуры, племена которой в процессе постепенной

миграции с северо-запада достигли земледельческих поселений, в том числе и Теккем-депе (Виноградова, Кузьмина 1986: 129; Кузьмина 1988: 49, 53).

Теккем-депе находится в 120 км к востоку от Ашхабада и в 4 км к юго-западу от станции Каахка Среднеазиатской железной дороги. Поселение расположено справа от шоссе Каахка — Арабкала, в 100 м к западу от моста через речку Лоин-су, на ее левом берегу и в 1,5 км к югу от Намазга-депе (рис. 1). Оно представляет собой овальной формы холм площадью около 2 га, вытянутый в меридиональном направлении (рис. 2). Его южная, более высокая вершина (5,5—6 м над окружающей равниной) соединяется с северной частью хорошо выраженной седловиной, в 40 м к северу от которой находится раскоп А. Ф. Ганялина (Ганялин 1956: 68).

На поселении, открытом А. А. Марущенко в 1935 г., исследования были начаты С. А. Ершовым в 1950 г., который заложил несколько шурфов, и продолжены небольшим раскопом (170 кв. м) в 1952-53 гг. (Ганялин 1956). В течение 17 полевых сезонов (1970—84, 1986—88 гг.) раскопки Теккем-депе производились Каахкинской экспедицией ЛОИА АН СССР совместно с XIV отрядом ЮТАКЭ АН ТССР (Щетенко 1972, 1973).

Среди трех основных типов керамики Теккем-депе (столовая, хозяйственная и кухонная), в основном изготовленной на гончарном круге, выделялась лепная посуда, в том числе и керамика степного облика, украшенная резным и штампованным орнаментом. В 1972 и 1974 гг. было учтено 2073 фрагмента (венчики, донца, стенки с орнаментом) и три археологически целых формы. Целиком сохранились хозяйственные сосуды — хумы и хумчи, вкопанные в полы помещений. Столовая посуда, включая редкие формы, составила 1164 экземпля-

* Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

ров (56,1%), хозяйственная посуда и кольцевые подставки — 466 (22,5%), кухонная — 443 (21,4%). Среди лепной керамики были отобраны для сравнительного анализа 215 фрагментов и один целый горшок из помещения 53, что составляет 10% от общего числа всей керамики двух полевых сезонов, или 49% посуды, изготовленной способом ручной лепки. Кроме этого, был учтен целый сосуд, в котором находилось детское погребение № 11 (раскоп 2, 1971 г.), и 5 фрагментов из материалов 1976 г. (раскоп 1).

Кроющий слой холма, мощностью 1,5—2 м, представлен остатками разновременных построек, имеющих несколько уровней обживания, что и демонстрирует продольный, по линии север-юг, разрез холма (рис. 3). Ареалы находок керамики степного облика также подтверждают это.

Весь исследуемый материал происходит из стратиграфического раскопа 1 на южной оконечности холма и из раскопа 2, расположенного в 5 м к югу от раскопа А. Ф. Ганялина. На раскопе 1 эта керамика найдена в кроющих перемешанных слоях, в которые впущены средневековые могилы. На раскопе 2 керамика степного облика обнаружена в трех местах (рис. 4). В южной части она происходит из двора № 4 и из помещений № 31, 32, 34, 35, 41—44, 49, 51, 53, 54. Здесь обнаружен 51 фрагмент, из них 20 — с орнаментом. В северной части раскопа 2 на территории двора № 1 и в заполнении построек № 1—9 найдено всего 9 фрагментов (один с орнаментом). В центральной части раскопа 2 найдено 74 фрагмента (30 с орнаментом). Они находились в заполнении помещений № 10—17, 19, 20), реже на полах некоторых из них: № 10/11, 14, 15. Треть исследуемой керамики (77 фрагментов, из них 31 с орнаментом) найдена вне помещений, главным образом в кроющем слое и дерне.

При анализе керамики степного облика учитывались основные характеристики глиняной посуды: способ формовки, состав теста, обработка поверхности, цвет, обжиг, форма, орнамент и размеры.

Способ формовки. Вся исследуемая керамика — лепная. При изготовлении посуды использовался метод ленточного налета, при котором соединение частей сосуда проходило по ровному торцу лент. Линии разломов черепков показывают, что в большинстве случаев разлом проходит по нижней части горловины сосуда — по линии соединения ее с плечиками. Под венчиками и на верхних границах плечиков прослеживаются небольшие утолщения, характерные для мест соединения отдельных частей сосу-

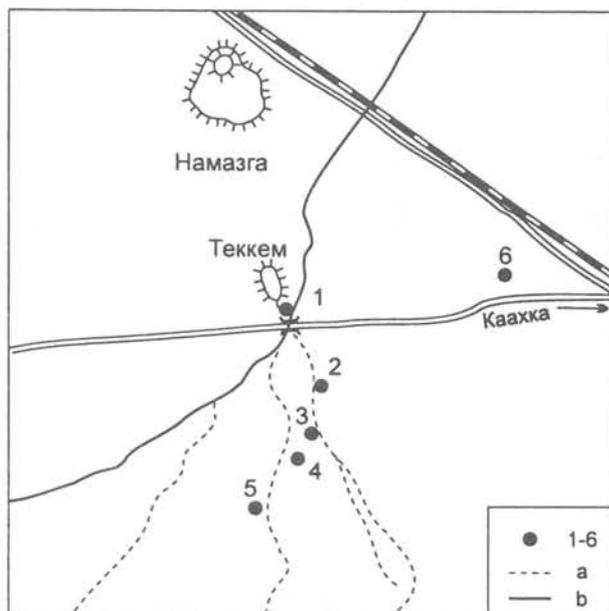

Рис. 1 Схема местонахождения Теккем-депе. 1—6 — поселения эпохи бронзы. А — древние русла реки Лоинсу; Б — современное русло.

Fig. 1 Schematic map of Tekkem-depe geographic location.

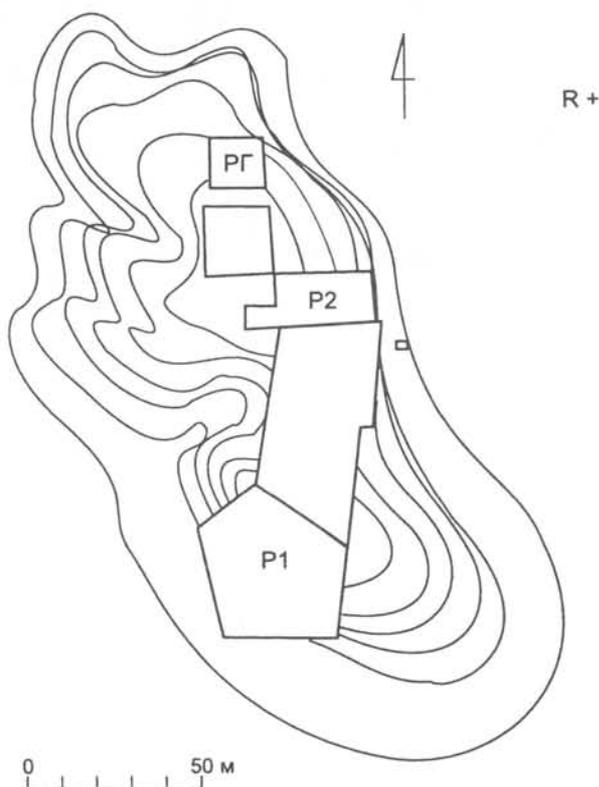

Рис. 2 Теккем-депе. План расположения раскопов: PГ — раскоп А. Ф. Ганялина; P₁ — раскоп 1; P₂ — раскоп 2.

Fig. 2 Plan of Tekkem-depe: PГ — Ganyalin's trench; P₁ — excavation area 1; P₂ — excavation area 2.

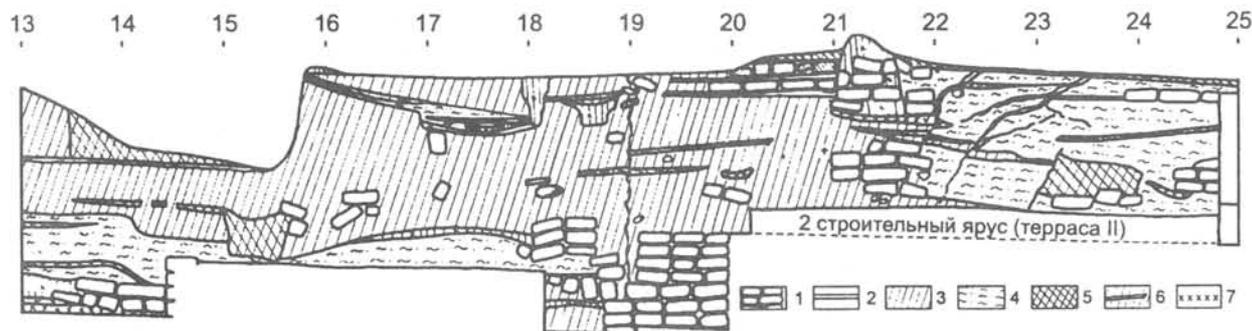

Рис. 3 Теккем-депе. Раскоп 1. Стратиграфия юго-западной части поселения. Западная часть разреза НК: 1 — сырцовый кирпич; 2 — промазки полов; 3-7 — слои: 3 — глинистые натечно-надувные с остатками строительного мусора; 4 — глинисто-гумусовые светло-зеленого цвета; 5 — мусорные с золой; 6 — линзы глинистого намыва; 7 — зола и угли.

Fig. 3 South-north section of the site.

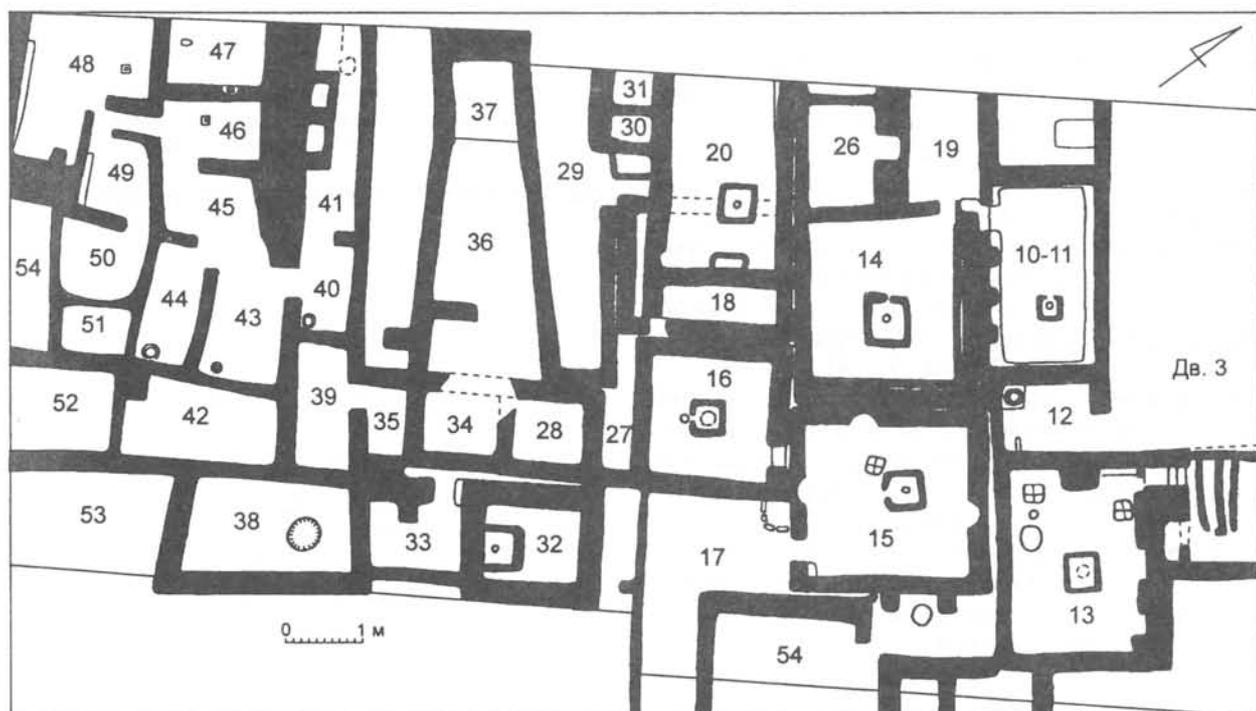

Рис. 4 Теккем-депе. Раскоп 2. Планировка южного и центрального участков

Fig. 4 Plan of excavation area.

да. Ширина лент в зоне плечика и тулова не превышает 7 см. Общее число лент зависит от высоты сосуда и составляет, в среднем, 4—5 оборотов. На внутренней стороне одного фрагмента стенки сосуда и одного доньшка присутствуют следы отпечатка материи, что свидетельствует о редком применении техники матерчатого шаблона при изготовлении посуды.

Глиняное тесто демонстрирует различные минеральные добавки, применявшиеся в качестве отощителей: дресва (толченый мергель), кварциты (песок) и шамот. Есть и органические примеси. Часто в тесте одного

сосуда присутствует сочетание сразу нескольких добавочных компонентов таких, как органика и кварц, дресва и кварц, шамот и органика.

Цветовая гамма поверхности сосудов разнообразна, но в основном преобладают темные тона. Доминируют светло-коричневый и кремевые цвета, иногда присутствуют светло-оранжевые и желтые оттенки. Внешняя поверхность фрагментов сосудов — часто черного цвета из-за сильной закопченности.

Обжиг — неравномерный, в изломе черепок трехслойный, с чернотой посередине. Иногда внутренняя поверхность черепка

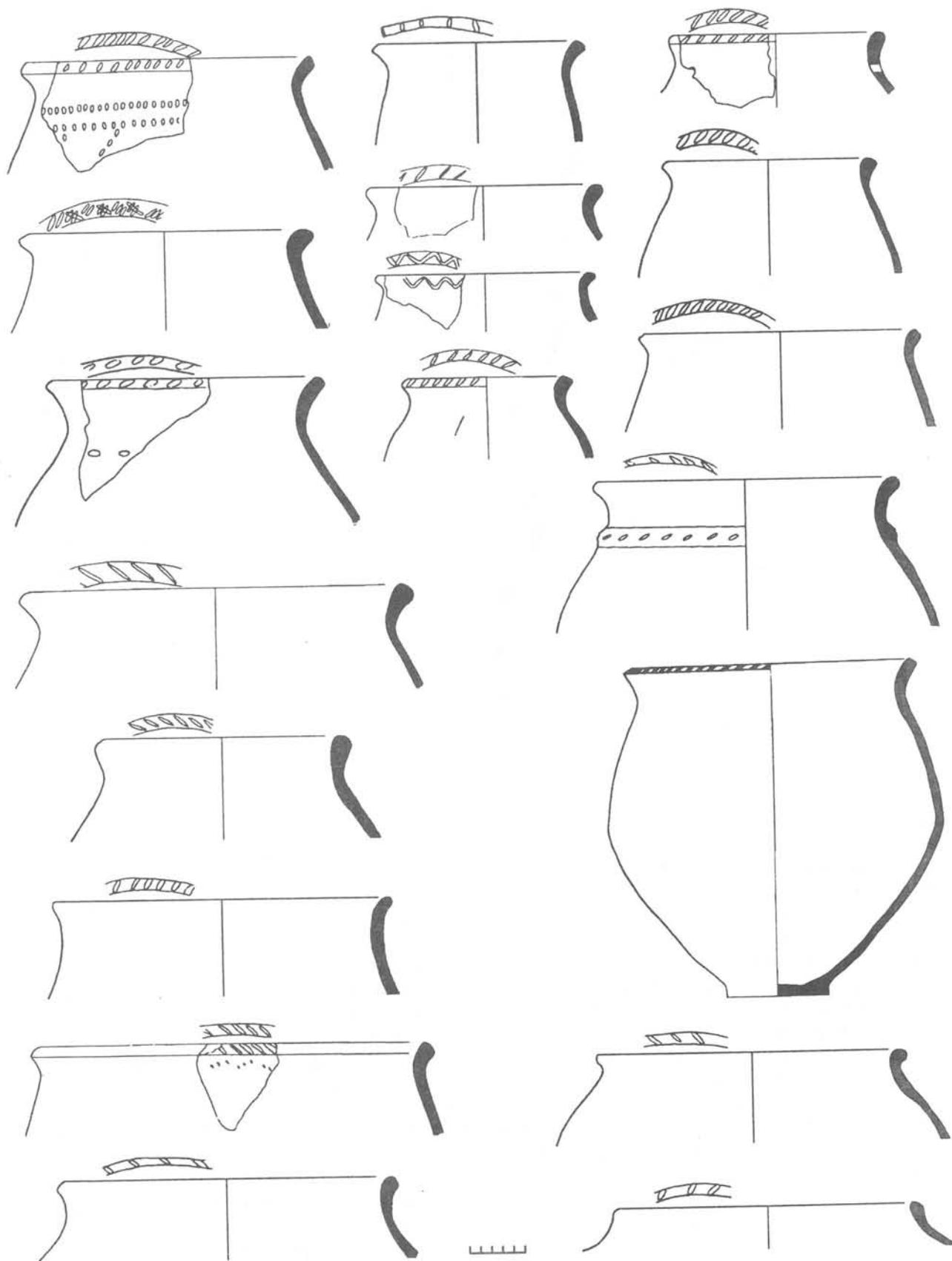

Рис. 5 Теккем-депе. Орнаментированная керамика.

Fig. 5 Decorated pottery.

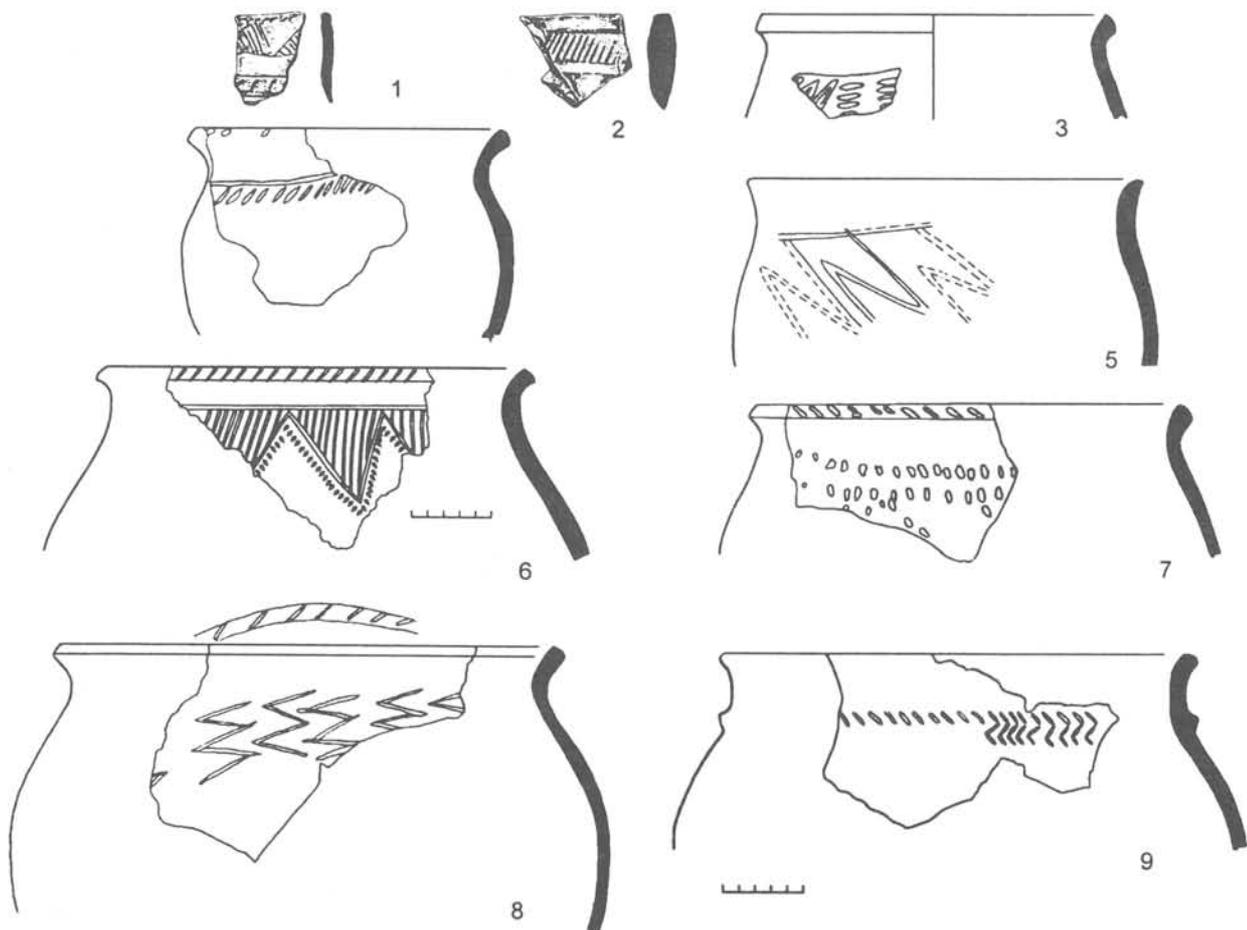

Рис. 6 Теккем-депе. Орнаментированная керамика.

Fig. 6 Decorated pottery: 1, 2 — two fragments of the Alakul culture; 6 — rim fragment with the triangular decoration.

имеет более светлую окраску, нежели внешняя.

Обработка поверхности производилась достаточно равномерно. Большинство фрагментов имеют следы заглаживания на обеих сторонах сосуда. Эти следы представляют собой параллельно расположенные относительно друг друга узкие горизонтальные полосы, разделенные очень тонкими нитеобразными перемычками. По всей видимости, заглаживание производилось по влажной основе пальцами рук, вытянутыми вдоль линии поворота сосуда. Иногда встречаются фрагменты, у которых заглажена только внешняя поверхность. Совсем редко попадаются фрагменты без каких-либо следов обработки поверхности сосуда и тогда черепки выглядят более грубо. Лощение отсутствует.

Основной формой посуды являлись горшки с мягко выгнутым, слабо выраженным профилем и плоским дном (рис. 5). Сосуды, судя по двум целым экземплярам (их высота 30 см), имеют несколько вытянутые в высоту пропорции. Диаметры устьев этих сосудов по отношению к донцам имеют соотношение 3 :

1 и 2,5 : 1. Остальная, фрагментированная часть коллекции дает некоторые варианты подобной формы. Шейка у большинства экземпляров — небольшая, маловыраженная. Венчик — либо прямой, либо отогнутый наружу и имеет округлый, плоский или приостренный край. Его толщина по верхнему краю колеблется от 0,9 до 1,5 см. Выделяются три венчика особой формы — в виде отогнутого «воротничка».

По диаметрам венчиков намечается 4 группы сосудов: 1) горшочки — диаметр 8—16 см — 24,5% от общего числа; 2) малые горшки — 18—22 см — 33,1%; 3) средние горшки — 24—28 см — 25,8%; 4) крупные горшки или котлы — 30—36 см — 16,6%. Толщина стенок сосудов в верхней части, под венчиком, составляет 0,6—1,1 см.

Орнамент присутствует на 82 фрагментах (37,9%) из 215 и на венчике одного из целых сосудов, в котором находилось детское погребение № 11. Всего выявлено семь элементов декора (рис. 5, 6):

1. *Насечки* в виде подпрямоугольных или линзовидных с приостренными краями

овалов нанесены, вероятно, гладким приостренным штампом. Три фрагмента украшены оттисками мелкозубчатого штампа. Насечки, зафиксированные на 67 фрагментах, имеют вид косо или прямо расположенных углублений, нанесенных по верхнему краю венчика на определенном расстоянии друг от друга. Семь раз они покрывают валики, опоясывающие сосуд под венчиком.

2. *Елочки*, встреченные на шести фрагментах, представляют собой те же насечки, но расположенные под прямым углом друг к другу и образующие своего рода горизонтальную стрелку. Последние расположены по краю венчика, в одном случае елочка присутствует на шейке под валиком с насечками.

3. *Жемчужины* — небольшие круглые или овальные вдавления (вмятины) на венчиках и шейках сосудов. Круглые жемчужины, зафиксированные в 5 случаях, наносились или по внешней стороне поверхности, под самым краем среза, или же по верхней части венчика. Овальные, — встреченные три раза, — расположены в нижней части шейки, в том месте, где она граничит с плечиками.

4. *Прочерченные линии* разной длины были нанесены заостренным предметом под разными углами на шести фрагментах. Они располагаются на шейках и плечиках сосудов и не имеют какого-либо композиционного смысла. Только в некоторых случаях сочетание этих линий образует подобие узора.

5. *Крестики* из пересекающихся овальных насечек, чередующихся с группами из трех таких же насечек, встречены однажды на верхнем крае венчика.

6. *Валики* шириной 9—12 мм в виде рельефно выступающих утолщений с полукруглым сечением проходят по верхней границе плечиков сосудов. Они — налепные и украшены косым рядом резных насечек. Встречены семь раз.

7. Ряд *треугольников* вершинами вниз, внутреннее пространство которых заполнено прочерченными линиями. Маленькие каплевидные углубления — «бахрома» — расположены вдоль двух внешних сторон треугольников, острыми концами вниз. Этот орнамент уникален для керамики Теккем-депе, а технология изготовления сосуда, на котором он был нанесен, отлична от остальной исследуемой коллекции. К нему мы еще вернемся ниже.

Как видно из описания, керамика степного облика, найденная в верхних слоях Теккем-депе, представлена единообразной формой — лепным плоскодонным горшком со слабо изогнутой линией тулова, небольшой шейкой и отогнутым наружу венчиком. Тесто, из которого была сделана посуда, содержит различные отощители, в основном

минерального происхождения. Орнамент сосудов имеет ограниченное число составных элементов (семь видов) и не отличается большим разнообразием. Он покрывает лишь верхние части сосуда — венчики, плечики и очень редко шейку. В большинстве случаев на сосудах наносился один элемент орнамента, повторяющийся неоднократно, при этом он всегда располагался в пределах одной зональной линии. Сочетание различных элементов узора на одном сосуде присутствует только на незначительном числе фрагментов. Преобладающий элемент орнаментации — косые насечки, расположенные, в основном, по верхним краям венчиков. Способ нанесения орнамента — нарезка и плоский штамп. Некоторая часть сосудов украшена налепным валиком, а также особого типа венчиком в виде отогнутого «воротничка».

Керамика степного облика Теккем-депе имеет достаточно большое число аналогий в археологических комплексах степных районов Евразии, хронологически относящихся к заключительной стадии позднебронзового века.

Наиболее близкие типологические соотношения ей можно найти в керамических традициях саргаринско-алексеевской культуры, которая относится к последнему периоду существования андроновской культурно-исторической общности. Саргаринские сосуды имеют вытянутые в высоту пропорции, широко открытую горловину, небольшую мало-выраженную шейку и слабопрофилированное, асимметричное тулово. В тесте присутствует большое число различных добавок: шамот, песок и дресва. Обжиг — неравномерный, в изломе черепок всегда черный. Орнаментальные элементы на сосудах большей частью невыразительные и состоят из различного рода прочерченных линий, насечек, «елочки», ямочных вдавлений. Геометрические узоры в композициях встречаются крайне редко. Способ нанесения орнамента — плоский штамп и нарезка. Характерной деталью саргаринской керамики являются валик, размещенный по основанию шейки и почти всегда украшенный орнаментацией, а также своеобразный тип венчика в виде «воротничка» (Зданович С. 1984: 81—94).

Таким образом, керамический материал степного облика, найденный на поселении Теккем-депе, может быть отнесен к саргаринско-алексеевской культурной традиции на основании сходства главных типологических параметров: преобладание формы горшка вытянутых пропорций со слабо изогнутым туловом; наличие венчиков-«воротничков»; одинаковый способ и техника нанесения орнамента на поверхность сосудов; бедность орнаментальных элементов, среди

которых доминируют простые насечки; появление валиков на плечиках сосудов. Саргаринско-алексеевская культура датируется сейчас серединой XII—XI вв. до н. э. (Зданович Г. 1988: 148; Аванесова 1991: 92, 94), а ее ранний этап — XIII в. до н. э. (Варфоломеев 1991: 18). Вероятно, эти рамки охватывают и основную часть керамики степного облика Теккем-депе.

Из коллекции степной керамики Теккем-депе выделяется фрагмент крупного сосуда (диаметр венчика 26 см) с треугольным орнаментом (рис. 6: 6). Он найден на раскопе 1 на южной вершине холма в 80 см от современной поверхности (Щетенко 1972: 530) в культурном слое мусора около двухъярусной гончарной печи. По фактуре и технологии изготовления он несколько отличается от всей остальной лепной посуды Теккем-депе. Тесто — грубой структуры с большой примесью крупных зерен дробленных слюды, кварца и других камней. Обжиг — хороший, равномерный. В изломе цвет черепка — темно-оранжевый. Внутреннюю и внешнюю поверхности фрагмента покрывает хорошо сохранившийся ангоб. Анализ черепка показал, что сосуд покрывался ангобом дважды: первоначально полностью в растворе темно-оранжевого цвета, а затем внешняя поверхность сосуда была еще раз покрыта ангобом светло-оранжевого (беловатого) оттенка, после нанесения которого поверхность дополнительно загладили пальцами рук также, как и все остальные сосуды степной коллекции. Орнамент на фрагменте состоит из ряда треугольников (сохранились три), внутреннее пространство которых заполняют десять прочерченных линий, нанесенных от основания треугольников к их вершинам. Художественной особенностью этих треугольников, опущенных вершинами вниз, является «бахрома» — маленькие каплевидные углубления, расположенные вдоль их внешних сторон. Орнамент занимает верхнюю часть плечика горшка, а основания треугольников составляют одну прочерченную линию, опоясывающую нижнюю часть шейки сосуда. Венчик под углом 45 градусов скошен наружу и покрыт четкими наклонными насечками (сохранилось 18) через одинаковые (1 см) интервалы.

Похожий орнамент, с небольшим лишь отличием, — рядом косых насечек между двумя прочерченными линиями над рядом треугольников под венчиком, встречен на одном из черепков, собранных А. А. Марущенко в котлованах выдувания у Овадана, вместе с другими фрагментами лепной керамики (Кузьмина 1964: 145, рис. 3: 1). Значительно шире эти треугольники (четыре типа

этого мотива) встречены в тазабагъябской культуре (Итина 1977: рис. 63, вид орнамента 12, 14, 20, 48). Есть они и на посуде некоторых поселений саргаринско-алексеевской культуры Северного Казахстана (Зданович Г. 1988: рис. 10: 5; 20: 6). В Восточном Казахстане этот узор вместе с шестью другими мотивами керамики степного облика Теккем-депе, широко представлен в глиняной посуде поселения Канай (Черников 1960: табл. XVII—XIX) и в керамике верхнего горизонта поселения Усть-Нарым (Черников 1960: табл. XXVIII—XXXI). Керамика обоих поселений хорошо соотносится с поселенческими керамическими комплексами федоровской культуры Зауралья, Северного и Центрального Казахстана (Зданович Г. 1988: 146).

Уникальное значение находки фрагмента сосуда с треугольным орнаментом трудно переоценить. Сочетание в нем различных технологических традиций изготовления керамической посуды свидетельствует о непосредственных культурных контактах прошлого степного и местного земледельческого населения на поселении Теккем-депе. Форма, способ изготовления и орнаментация фрагмента сосуда безусловно относятся к степным признакам, а покрытие сосуда ангобом (причем, в два слоя!) и качественный печной обжиг позволяют видеть в этом случае земледельческие технологические принципы производства глиняной посуды.

Наконец, отдельно следует остановиться на двух черепках из более ранних напластований Теккем-депе (рис. 6: 1, 2). Они найдены на раскопе 1, в помещении 43 на втором уровне пола и стратиграфически предшествуют верхнему кроющему слою Теккем-депе, где обнаружен основной массив керамики степного облика. Первый экземпляр представляет собой фрагмент верхней части лепного темно-серого (внутри — светло-коричневого) горшка средней степени обжига, о чем свидетельствует темный цвет излома черепка. В тесте присутствует примесь дресвы. Внешняя поверхность черепка залощена, внутренняя содержит следы заглаживания. Реконструируемая форма — горшок с невыделенным венчиком и прямой шейкой, в нижней части которой четко выраженный уступчик. Орнамент располагается под верхним краем венчика: линия неглубоких овальных вдавлений, ниже которых идут ряды косых треугольников, заполненных внутри прочерченными линиями. На уступчике, между двумя прочерченными горизонтальными линиями нанесены ряды полукруглых вдавлений. Треугольники и линии выполнены в технике нарезки, вдавления — плоским штампом. Второй черепок аналогич-

чен первому, но сохранился хуже. Технология изготовления, форма и орнамент этих черепков позволяют видеть в них фрагменты сосудов алакульского круга.

Таким образом, керамика степного облика Теккем-депе отражает несколько этапов культурных взаимоотношений земледельцев Южного Туркменистана с северными племенами скотоводов: первый — завершающие

фазы раннего периода Намазга VI (появление алакульских черепков) и второй — время заключительной стадии эпохи Намазга VI (керамика саргаринско-алексеевского круга). Дальнейшая работа по изучению материалов Теккем-депе помогут выявить характер этих взаимоотношений, их хронологическую и пространственную направленность.

- Аванесова, Н. А.* 1991. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. Ташкент: Фан.
- Варфоломеев, В. В.* 1991. Сарыарка в конце бронзового века. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата.
- Виноградова, Н. М., Е. Е. Кузьмина.* 1986. Контакты степных и земледельческих племен Средней Азии в эпоху бронзы // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока: 126—151. Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы.
- Ганялин, А. Ф.* 1956. Теккем-депе // Труды Института истории, археологии и этнографии II: 67—86. Ашхабад.
- Зданович, Г. Б.* 1988. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. (Основы периодизации). Свердловск: Издательство Уральского университета.
- Зданович, С. Я.* 1984. Керамика саргаринской культуры // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья: 79-96. Челябинск.
- Итина, М. А.* 1959. Первобытная керамика Хорезма // Труды Хорезмской экспедиции IV: 5—62. Москва: Издательство Академии наук СССР.
1977. История степных племен Приаралья // Труды Хорезмской Экспедиции X. Москва: Наука.
- Кузьмина, Е. Е.* 1964. О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии // Памятники каменного и бронзового веков Евразии: 141—158. Москва: Наука.
1988. Культурная и этническая атрибуция пастушеских племен Казахстана и Средней Азии эпохи бронзы // Вестник древней истории 2: 35—59.
- Куфтин, Б. А.* 1954. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению культур Анау // Известия Академии Наук СССР I: 21—25. Ашхабад.
1956. Полевой отчет о работах XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культур первобытнообщинных оседло-земледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции VII: 260—290. Ашхабад: Издательство Академии наук Туркменской ССР.
- Латынин, Б. А.* 1958. О южных границах ойкумены степных культур эпохи бронзы // Советская археология 3: 46—53
- Маруценко, А. А.* 1956. Итоги полевых археологических работ 1953 г. Института истории, археологии и этнографии АН ТССР // Труды Института истории, археологии и этнографии II: 5—10. Ашхабад.
- Массон, В. М.* 1959. Древнеземледельческая культура Маргианы. Материалы и исследования по археологии СССР 73. Москва-Ленинград: Наука.
- Черников, С. С.* 1960. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. Материалы и исследования по археологии СССР 88. Москва-Ленинград: Академия наук СССР.
- Щетенко, А. Я.* 1972. Раскопки Теккем-депе и Намазга-депе // Археологические открытия 1971: 529—530. Москва: Наука.
1973. Теккем-депе — поселение эпохи поздней бронзы // Тезисы докладов сессии, посвященной итогам археологических исследований 1972 года в СССР: 234—236. Ташкент: Фан.
- Schmidt, H.* 1908. Archaeological Excavations in Anau and Old Merv // Pumpelly, R. (ed.). Explorations in Turkestan. Expedition of 1904. Prehistoric civilizations of Anau. Origins, growth and influence of environment I: 81—186. Washington: Carnegie Institution of Washington.

LATE BRONZE AGE POTTERY OF THE STEPPE TYPE APPEARANCE FROM TEKKEM-DEPE (SOUTH TURKMENISTAN)

A. YA. SHCHETENKO, YU. G. KUTIMOV

Results of many seasons of excavation at Tekkem-depe (Щетенко 1972, 1973) and the new material obtained during study of the late

Bronze Age steppe cultures in the zone of Eurasian steppes enable us to find new approach to the problem of identification of some

steppe-type pottery published here for the first time.

Tekkem-depe is situated 120 km to the east of Ashkhabad and 4 km to the south-west of the Central-Asian Railroad station of Kaakhka. The site is also 1,5 km to the south of Namazga-depe (fig. 1). It is an oval hill (with an area of 2 hectares) elongated in the meridional direction (fig. 2). Its southern summit raised 5,5—6 m above the surrounding plain joins the northern part through a marked saddle; 40 km to the north of the latter the area excavated by A. F. Ganyalin (Ганялин 1956: 68) is situated.

The cultural layers of Tekkem-depe are 11 m deep. The lower 8 m contain the remains of many-room houses made of mud-bricks and dated to the early stage of Namazga VI; synchronous to the latter is the peculiar feature on the northern hill — the summit or so called «tower» of Namazga-depe (periods 5—7). After a period of desolation at Tekkem-depe, registered also on the «tower», there existed a settlement of the late stage of Namazga VI contemporary with the settlement of the upper layers of the «tower» (1—4). On the site under discussion complexes of the late Bronze Age interrupted by periods of desolation were identified (fig. 4). These complexes contained pottery of the steppe type that found parallels in the earthenware of the main stages of the Andronovo culturo-historical communities.

Among the three main types of the Tekkem-depe pottery (table-ware, household's and cooking ware) that was mostly wheel-made one may distinguish also hand-made pottery including that of a steppe-type appearance decorated with carved and stamped ornaments. During the seasons of 1972 and 1974 there were registered 2073 fragments (rims, bases, decorated walls) and archaeologically complete shapes. The tableware (including the rare forms) amounts to 1164 items (56,1%); the household's pottery (together with circular trivets) includes 466 items (22,5%); cooking pottery is composed of 443 items (21,4%). Of those examples 215 fragments and one complete pot from room 53 — *i. e.* 10 percent of the total amount of the two field seasons pottery, or 49% of the hand-made pottery — have been selected for a comparative analysis.

The upper layer of the hill (it is 1,5—2 m deep) is represented by remains of constructions dated to different times and having several levels of occupation that is demonstrated in the section of the southern part of the hill (fig. 3). The location of ceramic finds of the steppe-type appearance also confirms the fact. All the studied material comes from stratigraphic area 1 situated in the southern extremity of the hill and from excavation area 2 lo-

cated farther to the north and encompassing the major part of the settlement upper layer. In excavation area 1 this pottery was found in the upper mixed layers that had been disturbed by medieval graves. In area 2 pottery of the steppe-type appearance was found in three places (fig. 4). In the southern part, it comes from the fills of courtyard № 4 and from rooms 31, 32, 34, 35, 41—44, 49, 51, 53, 54. Here 51 fragments were discovered including 20 decorated ones. In the northern part, in the area of courtyard no. 1 and in fills of constructions 1-9, in total 9 fragments were found (one decorated). In the central part of area 2 there were found 74 fragments (30 decorated). The latter fragments were in fill of rooms 10—17, 19, 20, and what is of the greatest importance — on the floors of some of the rooms (10/11, 14, 15). One third of the pottery studied (77 fragments including 31 decorated) was discovered outside the rooms, mainly in the upper layers. In the analysis of the earthenware the shaping technique, paste composition, the surface finish, colour, firing and decorations were taken into consideration. All the pottery is hand-made: produced by the band-applying technique, with the band width up to 7 cm, the number of the latter (4—5) depending on the total vessel height. In two pieces cloth imprints were used. Pounded marl, quartzites (sand), potsherd and organic admixtures were used for tempering. Occasionally combinations of the tempers were used: organics and quartz, rotten stone and quartz, potsherd and organics. In the colour gamut light-brown and cream colours, *i. e.* light-orange and yellow hues, prevail. The firing is irregular. The inner and outer surfaces show traces of smoothing. Polishing is lacking. The most common shape is a pot of elongated proportions, a slightly outturned profile and flat bottom. The necks are rather small and are not well pronounced; rims are either straight or out-curved and have a rounded, flat or pointed edge. Three rims have the profile of outturned «collar». Four vessel groups are distinguished by their rim diameters (in cm): 1) tiny pots — 8—16; 2) small pots — 18—22; 3) medium-sized pots — 24—28; 4) large pots — 30—36.

Of the total 215 fragments 82 (37,9%) are decorated. The decorations are composed of seven major elements and cover the upper parts of the vessels — rims, shoulders, and very rarely the neck. Prevailing are slant incisions of several types (figs. 5, 6): lens-shaped ovals; «herring-bones» — horizontal arrows, less often small crosses; drawn lines; «pearls» — oval imprints; a row of slanting and hatched inside triangles with their apexes turned down and a «fringe» along the outer sides. The patterns were made in the

incising or flat stamping technique that included impressions of a fine-tooth comb. Seven of the pieces were encircled along their shoulder upper boundaries with relief cylinders of applied clay decorated with a sloping row of incisions. This Tekkem pottery in terms of its main technological features is close to the Sargarinsko-Alekseevskaya Culture ware: the prevalence of the pot shapes of elongated proportions with slightly curved body; presence of rims-«collars»; the similar methods and techniques of making decorations; the scarcity of ornamental elements; appearance of cylinders on the shoulders (Зданович С. 1984: 81-94). The latter pottery is dated to the middle of the 12th-11th centuries B.C. (Зданович Г. 1988: 148; Аванесова 1991: 92, 94) while its early stage falls to the 13th century B.C. (Варфоломеев 1991: 18). Probably, the major part of the Tekkem-depe pottery may be also dated to the same range.

Of special interest is the upper part of a large round vessel (rim diameter 26 cm). This vessel differs in its texture and technology from the other hand-made ware (fig. 6: 6): the paste has a coarse texture and is tempered with great amount of quartz grain, mica, and organic material; the clay is regularly fired. The inner and outer surface was slipped twice: originally the vessel (inside and outside) was coloured dark-orange, then its outer surface was coated with light-orange slip. The surface was additionally smoothed with fingers. The decoration in the shoulder upper part is composed of a row of triangles (with their apexes turned down); the inner space of the triangles is filled with 10 slanting drawn lines and along the outer sides of the triangles a «fringe» is drooping — small drop-like depressions. The rim is slanting outwards at an angle of 45 degrees and decorated with slant incisions. A similar decoration was met on a sherd found near the Ovadan site (Кузмина 1964: 145, fig. 3, 1) and on the Sargarinskaya Culture ware in the Northern Kazakhstan (Зданович Г. 1988: figs. 10, 5, 20, 6). In the Southern Kazakhstan similar decorations are represented at the settlements of Kanai and Ust-

Narym (Черников 1960: tables XVII—XIX, XXVIII—XXXI). Thus the rim fragment with the triangular decoration demonstrates a combination of two technological traditions in pottery-making. The shape, the manufacturing technique and decoration are typical to the pots used by the steppe population, while slipping and high-quality firing in a pottery kiln represent the pottery technique of agricultural groups. This fact suggests the presence of cultural contacts between the steppe and agricultural populations.

Two sherds (fig. 6: 1, 2) found in room 43 of area 1 on the second floor level preceding stratigraphically the upper layer of Tekkem-depe give evidence of the initial time of the mentioned process. The first item is a fragment of the upper part of a hand-made dark-grey (light-brown inside) pot of a medium extent of firing that is indicated by the dark colour of the sherd in break. The paste includes admixtures of rotten stone. The outer surface is polished; the inner shows traces of smoothing. The reconstructed shape is a pot with a poorly pronounced rim and straight neck; in the lower part of the latter a well marked small ledge is visible. The decoration is located beneath the rim upper edge: a line of rather shallow oval impressions below which there are rows of slanting triangles hatched inside. On the ledge, between two drawn horizontal lines, there are rows of semicircular impressions. The triangles and lines are executed in carving technique; the impressions are made with a flat stamp. The second sherd is similar to the first but has not preserved so well. The manufacturing technology, shapes and decorations of these fragments are typical to the Alakul stage of the Andronovo Culture.

Thus the pottery of the steppe-type appearance from Tekkem-depe reflects several stages of the cultural relations between agricultural groups of the South Turkmenistan and cattle-breeders' tribes: the earlier pots are dated to the Alakul period, and the later — to the Sargarino-Alekseevskaya Culture time.